

18+

СЕРГЕЙ СУБАЧ

**КОРОНА-
ВИРУС**

Сергей Субач
Корона-вирус

«Издательские решения»

Субач С.

Корона-вирус / С. Субач — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531482-6

На фоне пандемии коронавируса по законам криминального жанра развиваются события в романе «Вирус». Да, это крутой боевик, который стартует в китайском Ухане, продолжается в штаб-квартире ЦРУ в США, движется из Иркутска в Москву через всю Россию и достигает нового витка интриги в Карибском море, на острове Мерена. Перестрелки, смертельные опасности, страх и любовь — все есть. Кроме того, автор всерьез увлечен происхождением вируса, и немало увлекательнейших страниц посвящено этой истории.

ISBN 978-5-00-531482-6

© Субач С.
© Издательские решения

Содержание

Вирус	6
68 миллионов лет до нашей эры, меловой период мезозойской эры	7
Наше время	12
Заражение. Ухань	20
Озеро Челан, штат Вашингтон, Соединенные Штаты Америки	36
Штаб-квартира ЦРУ, Лэнгли, штат Виргиния, США	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Корона-вирус

Сергей Субач

© Сергей Субач, 2021

ISBN 978-5-0053-1482-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вирус

Вирусы на земле существуют уже давно, очень давно, миллиарды лет. Задолго до появления жизни на планете, задолго до появления динозавров и уж тем более человека разумного. Нашему разуму тяжело даже представить, какое невообразимое количество лет прошло с тех пор, как они появились на земле и начали ее освоение. Но только с зарождением животной жизни они смогли обрести свое полное могущество, входя в конгломерат с живым организмом, иногда помогая ему, иногда нанося вред. Каких только комбинаций и вариантов не создавала природа, дойдя в этом до совершенства. Но никогда вирусы не собирались уничтожить все живое, предпочитая как-то сосуществовать с питающими их организмами, находясь в устойчивом равновесии, таком симбиозе. Правда, иногда это живое погибало, не успевая приспособиться к особо агрессивному вирусу, бесконтрольно уничтожавшему все вокруг, выкашивающему отдельные виды животных, но потом, через какое-то время, все опять приходило в равновесие. Правда, не обязательно, что популяции выживали, совсем не обязательно. А вирусы, вирусы оставались, оставались всегда, чтоб вскоре или, может, через тысячи, миллионы лет опять взяться за невидимую глазом работу. Так кто же является хозяином мира? Они или мы? Как же самонадеян человек!

68 миллионов лет до нашей эры, меловой период мезозойской эры Древнекитайское восточное плато, район будущей провинции Хубэй

Рассвет... Заросший буро-зелеными папоротниками и деревьями- великанами, величественно вздымавшими свои вершины в небо, лес постепенно обретал краски и оживал от ночного безмолвия. Ночные звуки уже смолкли, а дневные еще не вступили в свою силу, привыкая, приспособливаясь к новой действительности. Утро только-только началось, но уже предчувствовалась будущая жара. Природа отогревалась после ночного холода. Дневные температуры подскакивали до плюс 35. Насыщенный влагой ветер то тут, то там пробегал внезапными порывами по прогалинам и каменистым пустошам, густо покрытым красно-зеленым мхом, подымая вверх буро-серую взвесь песка и мела. Вода, журчащая среди камней и кое-где разливающаяся по мшистому пологу вокруг зеленеющих деревьев: магнолий, буков, дубов, – давала возможность для жизни и размножения тысячам насекомых, как наземных – ползающих, бегающих, плавающих, так и летающих, прыгающих и скачущих. В воздухе стоял непрекращающийся гул жужжания, почти на уровне ультразвука, в который иногда добавлялись нотки шелканья и потрескивания. Гигантские длинноносые комары, по три-четыре сантиметра, с гудением огромными роями кружились над свободными от растительности участками воды, обрамленными по краям густым мхом и темно-бордовыми цветками, наклонившими свои тяжелые головы над водой, к которым то и дело бросались желто-серые пчелы, желая напиться драгоценным нектаром. Но, как и все в этом мире, яркий окрас и терпкий, дурманящий аромат были только приманкой для соблазнения глупых созданий полакомиться сладкой пылью. Цветки были плотоядными, и они тут же захлопывались, поймав очередную жертву. Огромный цветок мог переварить и более крупную добычу, чем пчела или комар.

В свою очередь десятки тысяч мелких грызунов, ящериц и змей вполне комфортно чувствовали себя в этих условиях. Заболоченная зелено-рыжая поверхность, сверху покрытая серой пылью, буквально кишела от копошащейся в ней живности, непрерывно пожирающей друг друга. То там, то здесь проскальзывало гибкое тело змеи, быстро исчезающее в густой растительности. Хотя это абсолютно не волновало пасущихся тут же и мирно пережевывающих растительность девятиметровых стегозавров. Они были в родной стихии, у себя дома, как современный человек у себя на диване, с пультом телевизора в руке. Гигантский размер и защитный костяной панцирь обеспечивали им неплохую защиту от плотоядных хищников, во множестве рыскающих и охотящихся в округе. Стадами по двадцать – тридцать особей они, как метлой, проходили по округе, с удовольствием поедая все, что попадает под нос. Четырехтонные махины не обращали внимания ни на снующих в траве сумчатых марчанди, мелких юрких зверьков, в обилии населявших леса в те времена и имевших отдаленное сходство с современными крысами, ни на змей, опасных ядовитых охотников, уже появившихся и успешно промышляющих в здешних местах, ни на назойливых огромных насекомых. Маленький двухсотграммовый мозг позволял им чувствовать себя вполне комфортно, ни о чем не заботясь, снабжая огромное тело обильной пищей, произрастающей прямо под ногами. И только ночные похолодания до ноля градусов немного беспокоили холоднокровных рептилий, иногда срывали с насиженных мест, заставляя мигрировать дальше, к югу и теплу. А вместе с травоядными ящерами начиналась миграция и окружающих их хищников.

Еще не чувствовалось нехватки пищи для тех и других, еще паслись травоядные ящеры среди зарослей, но начавшиеся массовые перемещения животных уже нарушили привычный

уклад жизни, сгоняя с места все новые и новые стада ящеров в попытках приспособиться к меняющимся условиям. Все чаще в воздухе раздавался раздраженный рев тираннозавра, очевидно, возмущенного неудачной охотой. Все чаще мелькали группы юрких хищников велоцирапторов, нервно поглядывающих на крупных травоядных, спокойно поедавших растительность поблизости. В воздухе повисла угроза грядущих перемен.

...Олгой-хорхой, гигантский трехметровый плотоядный червь оранжевого, почти коричневого цвета, в диаметре около сорока сантиметров, похожий то ли на ржавую трубу, то ли на безголовую змею, вылез из глубокой скалистой расщелины, начинающейся возле каменистых холмов на самом краю мезозойского леса и затрудняющей подход к бурно несущей свои мутные желто-серые воды полноводной реке, в будущем названной Янцзы. Олгой любил влагу и тепло, поэтому вынужден был прятаться от ночных холодов в различные норы и теплые расщелины. Но с наступлением утра вылезал из своего убежища, подставляя засохшую кожу живительной влаге. Начиналось время активности и охоты.

Полностью вытянувшись из своей норы, как пудрой, обсыпанный серым мелом вместе с песком, покрывавшим поверхность косы, он замер, как будто к чему-то прислушиваясь, и так лежал, отдыхая минут пять неподвижно, похожий на кусок ствола дерева, гниющего здесь уже давным-давно. Множество сегментов его тела вытягивались и сокращались после ночного сна в каменно-песчаной норе. На поверхности кожи выступила белесая, без запаха, слизь, служащая червяку как защитой и увлажнением, так и оружием для охоты.

Так уж создала его природа, что он был ужасно токсичен. Кроме развитых ядовитых ротовых желез, он еще имел возможность убивать добычу мощнейшим ударом электрического тока, вырабатываемого длинным волнообразным отростком, проходящим по спине вдоль всего тела. А большая влажность воздуха обеспечивала великолепную проводимость и убийственную силу. Правда, этой силы тока вряд ли бы хватило для крупного ящера, из-за его толстой бронированной шкуры. А мелкие ядовитые зубки червя, скорее, даже ротовые пластины, естественно, не оцарапали бы и кожи на ноге крупного динозавра. Но это и не волновало олгоя. Его добычей являлись более мелкие ящеры, змеи и насекомые. Кроме того, в последнее время ему очень понравились только нарождающиеся, еще очень редкие, млекопитающие. Быстрые и осторожные, они были трудной добычей, но и на них у него имелось великолепное оружие. Слизь, выступающая на коже, была не ядовита, но кишела смертоносными вирусами, постоянно выделяемыми червем и убивающими добычу медленно, но так же верно, как клыки хищника. Этаким образцом бактериологического оружия будущего. При контакте со слизью червя жертва умирала не сразу, а через день-два, в зависимости от метаболизма и степени соприкосновения, и не всегда доставалась ему как добыча, ведь вокруг сновало множество других падальщиков, но в любом случае погибала. Зигзаг эволюции создал удивительный конгломерат, машину убийства, ядовитую опасную тварь, мимикрирующую под окружающий ландшафт и обладающую постоянно размножающимися убийственными вирусами.

Наконец, олгой медленно растянулся во всю длину и пополз в сторону ближайших папоротников, раскинувших свои листья над журчащей водой, в надежде на добычу. И он не ошибся, так как буквально в десяти метрах от своего убежища наткнулся на разлагающуюся стрекозу, неосторожно приземлившуюся на охотничью тропу червя, покрытую незаметной слизью, где она и приняла свою смерть. Коварные вирусы уничтожили ее уже дня два назад, и в условиях абсолютной влажности тело насекомого почти расплзлось на части, но это только больше нравилось хищнику. Гниющие останки как раз и являлись его основной пищей. Вытянув вперед ротовые губы, создавая вакуум, он, как пылесосом, втянул в себя останки насекомого, которые быстро исчезли в его утробе. Червь на минуту остановился, переваривая пищу, по телу пробежали искры электричества, и затем медленно, сокращая поочередно свои сегменты, пополз в сторону пасущихся гигантских динозавров. Пища, пища и еще раз пища! Простейшие инстинкты вели его вперед, на поиски добычи, на охотничью тропу, которая про-

легала как раз в той стороне. Заболоченная мхом почва и произрастающие заросли папоротника почти полностью скрыли его от чьих-либо любопытных глаз, и только легкое шевеление растительности и мелькавшее в просветах кишкообразное тело показывали направление его движения.

Крупный самец стегозавра тупо уставился на внезапно появившееся перед его носом создание. Огромного четырехтонного зверя сегодня раздражало буквально все на свете. Сильно болела разодранная до костей передняя лапа после вчерашнего нападения стаи хищных цератозавров. Разгневанный гигант разметал своим мощным хвостом неосторожных хищников, убив двоих в первые же секунды боя. Остальные, недовольно рыча, сначала было накинулись всем скопом, но тут же отступили, оставив ему на память раненую лапу, кровоточащий шрам через всю морду и откушенный кончик хвоста. Так что ящер был не в том настроении, чтоб миндальничать с чужаками, покусившимися на его территорию, тем более такими непонятными, как этот.

Едва заметив червя, он насторожился, хотя раздражение мелькнуло в его маленьких глазках. Инстинкт самосохранения требовал отступить назад, а врожденная агрессия и инстинкт защитить свою стаю, пасущихся неподалеку самок с детенышами, призывал броситься немедленно в атаку. Поэтому огромное животное осталось на месте, наклонив голову почти к самой земле и оглушительно затрубив на целый лес. Какофония различных по своей тональности и громкости звуков эхом отозвалась со всех сторон. Звуковая волна ударила в червя, и он остановился, скрутившись в баранку. От тела ударил мощный разряд электричества, сполохами, искрящимися змейками побежавший по мху. Конечно, такой удар током никак не мог навредить гигантскому ящеру, но неприятные ощущения заставили того недовольно зафырчать и отступить на пару метров. Секунду подумав, животное, еще раз громко и утробно рыкнув, в пару прыжков отскочило в сторону пасущегося стада и, казалось, тут же забыло о своем раздражителе, начав мирно пастись вместе со своими соплеменниками. Олгой развернул свои кольца и медленно продолжил путь. Но злость и раздражение вернули ящера к непонятному созданию. Фыркая и тяжело дыша, он осторожно приблизился, низко-низко пригибая массивную голову к земле и шумно втягивая в себя воздух. Олгой опять скрутился в баранку, слизь запузырилась белесыми хлопьями на поверхности его кожи. Затем, будто подпружиненная, баранка упругого тела подскочила и переместилась на полтора метра в сторону. Динозавр фыркнул, сдвигаясь вслед и наступая больной ногой на лужицу слизи, обильно вытекающую из червя. Затем он рванулся вперед, наклонив голову и боднув червя рогом, выступающим на конце морды, высоко подкинул того в воздух и метров на десять отбросил в сторону. Поведя глазами по сторонам и не заметив в ближайшей видимости раздражающий его предмет, удовлетворенно хрюкнул, возвращаясь к родной стае. Он, без сомнения, сегодня победил и прогнал чужака.

День наступил. Солнце поднялось довольно высоко, и дневная жара начинала вносить свои коррективы в жизнь доисторического леса. Утренняя активность немного спала. Угомонились нижние обитатели лесных зарослей, и только в вышине неба лениво парило несколько гигантских птеродактилей, казавшихся на такой высоте небольшими стрекозами. Падение олгой никак не повредило и не взволновало его, да и не могло взволновать. Мягко шлепнувшись в папоротниковые заросли, он развернулся в длину и тут же уткнулся мордой в большую черную змею с маленькими рудиментарными ножками, расположенными ближе к хвосту. Змея зашипела и, широко разинув пасть, попыталась ускользнуть в соседние кусты, но не тут-то было: разряд электричества обездвижил ее и почти лишил какой-либо возможности сопротивления. Нелепо барахтаясь и извиваясь, она пыталась найти спасение в густом мху, зарываясь в него головой. Олгой не мог упустить такую лакомую добычу. Захватив своими трубчатыми губками хвост змеи, он, как насосом, живьем потянул ее в себя, не обращая внимания на ее попытки раз за разом укусить его за морду. Через десять минут все было кончено. Сытый, он

развернулся во всю длину, кожа поменяла окрас почти до коричневого цвета. Теперь, славно поохотившись, он мог позволить себе отдохнуть, медленно переваривая пищу, и полежать в недвижимости.

Земля в те далекие времена была очень сейсмически активна. То тут, то там смешались целые пласты континентов. Одни участки полностью уходили под воду, другие, наоборот, – появлялись на поверхности. Вулканы также вносили свою лепту, изменяя не только ландшафт планеты, но и ее климат.

Олгой неподвижно лежал в своей карстовой пещере на глубине десяти метров, отдыхая после дневной жары. Его неподвижность была сродни летаргическому сну. Все процессы жизнедеятельности замедлились, почти остановились. В таком состоянии он мог находиться несколько лет, не испытывая никакой потребности в пище или движении. Когда внезапно по всей поверхности земли пронеслась волна дрожи, он никак не прореагировал, оставаясь недвижимым. Потом дрожь повторилась, постепенно усиливаясь, и, в конце концов, стала непрерывной, похожей на работу гигантского отбойного молотка, будто включившегося где-то в глубине земли. Червя полностью накрыло осыпающейся пылью, состоящей из каменисто-земляной крошки и серого мела. Затем раздался гул и скрежет. Огромная гранитная скала сдвинулась со своего места, навсегда запечатывая вход в убежище лежавшего там создания. Как будто сама природа отказала ему в праве на существование, непонятно для чего созданному и не реализовавшемуся в процессе эволюции.

Тектонические перемещения, произошедшие прошлой ночью на этой стороне континента, заставили сорваться с обжитых мест тысячи и тысячи животных. Хромой стегозавр с тоской смотрел вслед уходящей стае. После проведенной на плато беспокойной ночи он стал чувствовать себя намного хуже. Ужасно болела раненая лапа, разорванная морда пылала огнем, по телу разлилась убийственная слабость. Утреннее солнце не принесло долгожданного облегчения, и он продолжил лежать в тени папоротников, трудно дыша и уронив тяжелую морду на землю. Когда стая двинулась в путь, он было поднялся на слабеющие ноги, но тут же опустился, не в силах сделать и шага. Вместе с прерывистым дыханием, казалось, сама жизнь покидает гигантское тело. Он яростно и протяжно зарычал.

Вирусы взялись за свою работу. Как так получилось, что цепочка РНК вируса смогла встроиться в ДНК динозавра? Как так получилось, что влияние именно этого вируса на организм огромного животного оказалось смертельным? Фатальная комбинация миллионов и миллионов комбинаций, практически нереальная, но она случилась. Ведь другие вирусы сосуществовали с динозаврами уже давно, не нанося особого вреда, а если и убивали, то очень и очень редко, не получая широкого распространения среди популяции. Другие, но не этот. Величественный самец умирал, предоставленный своей судьбе, брошенный соплеменниками. Непреложный закон бытия.

А лес продолжал жить своей обычной жизнью, шумной и жизнеутверждающей, не прекращающейся ни на секунду. Что ж, так было и так будет во все времена. Слабые и немощные дают дорогу более молодым и сильным, а может, всего лишь более удачливым.

Будто жалуясь на судьбу, раненое животное подняло морду и снова тяжело протяжно заревело, перебивая какофонию звуков леса. И немедленно, будто эхо, отозвавшееся от ближайших зарослей, донесся торжествующий рев охотящегося хищника. Листья, обрамлявшие прогалину, раздвинулись, и на поляну высунулась настороженная морда тираннозавра-рекс. Несколько секунд – и вот уже машина убийства целиком выдвинулась на поляну. Маленькие холодные глазки убийцы тяжело уставились на ослабленное животное, как бы оценивая потенциальный обед. Ярость придала сил стегозавру, и он поднялся на колонны ног, наклонив голову и бешено зафыркав. Он был готов защищаться и дорого продать свою жизнь. Хищник не нападал, оценивая опасность и размеры жертвы, по кругу, мелкими шагами обходя ее, не приближаясь, но и не отдаляясь ни на йоту. Так прошло минут десять. Тяжелая голова стегозавра

опустилась ниже к земле. Слабость, затмевавшая зрение, не давала контролировать движения замершего поблизости, внимательно наблюдавшего хищника. Густая, вязкая слюна капала с разорванной недавно морды. Глубоко вздохнув, он прикрыл глаза и не заметил быстрого движения тираннозавра в его сторону. Мощные челюсти сомкнулись на горле жертвы, брызнула кровь, и через минуту все было кончено. Победный рык разнесся над лесом, заглушая все звуки, рык хищника и хозяина, удовлетворенно оглядывавшего все в округе. Тираннозавр приступил к трапезе. На сегодня еды у него было достаточно. Что ж, такова правда жизни. Хищник поедает жертву, чтоб, в свою очередь, потом стать чьей-то добычей. А лес, а что лес? Он вернулся к своей обычной жизни, как будто ничего не произошло. Хотя и в самом деле, ничего не случилось, еще одна жертва в необозримом кругообороте жизни.

Стая крупных травоядных ящеров стегозавров, насчитывающая более сорока взрослых динозавров и двенадцать детенышей-подростков, сильно отклонилась к югу, огибая заболоченную долину реки, оставившую узкий перешеек между нагромождениями скал и непроходимыми болотами, мешающими миграции крупных масс животных. Скопление травоядных на перешейке дало пищу и множеству хищников, крутящихся тут же. Стаями по десять – пятнадцать особей сорока – пятидесятикилограммовые, небольшие, но шустрые и опасные хищные динозавры-дейнонихи с кривым когтем, располагающимся на втором пальце задних конечностей, взбирались на деревья и оттуда атаковали ничего не подозревающих, зазевавшихся животных и разрывали их тела острыми зубами. И даже пара гигантских хищников, спинозавров, длиной около двадцати метров, почти достигавших по размерам самых крупных травоядных, находились здесь же, величественно с высоты своего роста наблюдая за хаосом, творившимся вокруг. Крупный самец стегозавра, вожак стаи, утробно рыкнув, как таран, направился в сторону перешейка. За ним стеной двинулись еще четыре гигантских самца, а вслед потянулась и вся многотонная, волнующаяся стая. Земля задрожала, и все, не исключая и хищников, поспешно уступили дорогу неудержимой живой волне. Не успевший ускользнуть велоцираптор был тут же раздавлен и отброшен в сторону одним из самцов, следующим за вожаком. Утробно ревя, стая вырвалась на зеленую долину с другой стороны каменной пробки, закупоривающей проход.

Постепенно успокаиваясь, ящеры разбрелись по ближайшим окрестностям, обрывая свежие побеги папоротников и насыщаясь ими. Многие опустились на землю, тяжело дыша. Крупные динозавры того времени не могли долго и быстро бегать, так как кровь не успевала поступать полноценно во все отделы гигантского туловища, что заставляло их подолгу отдыхать после интенсивной физической нагрузки. Вожак рыкнул и также опустился на землю, прерывисто дыша. Наступала ночь, и следовало остаться здесь на ночлег после тяжелого дневного перехода.

К утру на ноги из стаи не встало ни одно животное. Глыбы динозавров лежали на тех местах, где их застала ночь, задыхаясь, не в силах сдвинуться с места. То тут, то там стаи хищников разрывали на части несопротивляющиеся тела, сраженные невидимым убийцей, пожирающим их изнутри, и, в свою очередь, сами заражаясь им. Вирус начал свое путешествие по популяции динозавров, с невиданной скоростью распространяясь и захватывая все новые и новые территории. Млекопитающим он не повредил, так как не хватало какой-то небольшой молекулы РНК, что-то помешало встроиться в их генетическую цепочку. Динозавров же как вид выкосил подчистую, не оставив от них даже и следа на нашей планете. Наступила новая эра – эра млекопитающих, эра человека.

Наше время

Восток центральной части Китая. Провинция Хубей. Песочный карьер в районе реки Янцзы

Сяолун Ли, двадцати трех лет, худощавый и смуглый, был настоящим представителем современного молодого поколения. Черноволосый, типичный китаец, довольно высокий и, как он сам считал, очень даже симпатичный, несмотря на раскосые азиатские глаза, он имел, однако, вполне европейские черты лица. Чему был обязан своей бабушке по матери, чисто-кровной еврейке, приехавшей пятьдесят лет назад в Китай по обмену опытом между двумя аграрными институтами по выращиванию и опылению огурцов, да так и оставшейся жить в Ухане. Ведь она встретила здесь свою первую и последнюю любовь, молодого и перспективного агронома, будущего дедушку Сяо. Искренне полюбив красивейший и необычный край, она смогла передать детям, а позже и внукам, свою неумную тягу к жизни, огромную энергию и такое же любопытство. Она никогда не жалела о переезде в Китай, хотя и любила побурчать, что когда-нибудь все кинет и переедет обратно в Израиль.

Сейчас Сяолун, ее любимый и непоседливый внук, сидя на перевернутой бочке из-под солянки возле заглушенного экскаватора, покачивая в воздухе правой ногой, вместо того чтобы с наслаждением поглощать запасенный заранее обед, бутерброды с уткой и сыром, уткнулся в мобильный телефон, не обращая внимания на окружение и тяжелый летний зной, как марево, стоящий в воздухе. Весело улыбаясь невидимому собеседнику, он то и дело деловито и быстро одной рукой отписывал ответные сообщения. Сноровка и скорость того, что он делал, выдавали немалый опыт настоящего пользователя современных технологий.

– Сяо, – донесся голос от сидевшей неподалеку группки из четырех человек в оранжевых комбинезонах. Рабочие перекусывали немудреной едой тут же неподалеку.

– Опять останешься без обеда, – произнес невысокий пожилой китаец в промасленной спецовке, повернув к нему голову и прищурился.

Пылающее полуденное солнце ярко освещало все вокруг, заставляя людей на такой жаре то и дело прикладываться к канистре с водой, стоящей рядом с ними на приставленных ящиках.

– Обед есть обед. Никто тебя ждать не будет. Закончится перерыв – приступаем к работе. И так от плана отстаем, – добавил он и сплюнул в сторону кустов.

– А ты что, опять уткнулся носом в телефон? – продолжил он, подтягивая к себе поближе кружку с горячим, только что из термоса, чаем. – И что вы там такое находите, не пойму.

– Что я тебе сказал, а ну быстро принимайся за еду, пятнадцать минут осталось. Машины должны уже скоро подойти, никто тебя ждать не будет.

– Ничего, дядя Чжиган, прорвемся, – ответил молодой парень, засовывая телефон во внутренний карман рабочей спецовки и быстро подсаживаясь к остальной группе. Расстегнул рюкзак и достал заботливо приготовленный матерью сверток с обедом.

– Успею, какие наши годы, – добавил он, с удовольствием принимаясь за еду. – Мне перекусить – так две секунды.

– Успеешь, успеешь, – пробурчал тот в ответ, недовольно покачивая головой. – Все любишь делать на ходу, все впопыхах, потому такой и бестолковый. Как у вас, молодых, все не так. Нет бы как люди. Эх...

Фраза так и осталась неоконченной и повисла в воздухе.

Надо справедливости ради сказать, что Сяолун не был таким уж бестолковым, как могло показаться. Работал как все, правда, не особо пытаясь выделяться, но и не отставая от остальных членов бригады. Был старательным и трудолюбивым. И даже в свои двадцать с лишним лет уже умудрился выучиться на экскаваторщика, кем и работал больше года, с удовольствием

и азартом молодости крутя рычагами многотонной машины так же, как джойстиком в компьютерной игре. Кроме всего прочего, он совсем не собирался потратить свою жизнь на работу в карьере. Уже второй год учился на заочном отделении в Уханьском втором медицинском институте, довольно неплохо, чем ужасно гордилась его мама, а также многочисленная родня, особенно две тети из Израиля, любительницы поболтать и поучить жизни китайских родственников.

«А дядя Чжиган, так он всегда бурчит, привычка у него такая, наверное, потому что старый».

Чжиган в самом деле приходился ему настоящим дядей, так как был родным старшим братом его матери. Родители попросили его устроить молодого Сяо на работу, чтобы, как сказал отец, он наконец-то почувствовал, что такое настоящая взрослая жизнь и ответственность перед семьей. Дядя Чжиган с неохотой принял молоденького парнишку в свою бригаду, но потом, наблюдая за ним, потихоньку оттаял, поменяв гнев на милость, видя его старательность и упорство в работе.

Сяолун с ходу схватывал особенности осваиваемой специальности. Работы, надо сказать, довольно тяжелой, грязной, в карьере и невзирая на любую погоду. Но усталость для молодого растущего организма вообще была незнакомым понятием. Так что вскорости, после нескольких месяцев наблюдения, дядя дал задание водителю экскаватора, опытному и уравновешенному Вэйдуну, начать обучение молодого специалиста, конечно, предварительно договорившись об этом в администрации. Водителей большегрузной техники всегда не хватало, так что проблем не возникло, естественно, под ответственность бригадира и после оформления десятка бумажек.

Сейчас же, по прошествии года, своим молодым родственником бригадир Чжиган мог по праву гордиться, ну а бурчал он, скорее, по привычке, да и как старший в семье и на работе.

В данный же момент лучшая горнодобывающая бригада товарища Чжигана уже вторую неделю разрабатывала западный карьер, без остановки, по десять часов в сутки, выполняя заказ крупной строительной компании. Администрация требовала все более и более ускорить темпы добычи до наступления осенних дождей. Время на отдых и на перекус вырывали из промежутков, пока не появлялись следующие грузовики под погрузку. Короткие промежутки давали хоть немного отдохнуть, но транспорта под загрузку добавили, так что перерывы пришлось сократить вдвое.

Вскоре действительно раздался равномерный рев большегрузных самосвалов, длинной желтой змеей потянувшихся из-за поворота по направлению к песчано-меловому карьере.

Чжиган крутнулся в стороны, разминая затекшую спину, с удовольствием допил чай, остатки выплеснул на землю за собой. Посмотрел на приближающуюся технику, затем окинул взглядом карьер.

– Все, ребята, за работу, – хлопнул ладонями, упруго, как в молодости, вскакивая на ноги. – Солнце уже за полуднем, а работы непочатый край. Давай, давай, не ленись, как за зарплатой, так все первые. Не выполним норму – придется остаться на сверхурочные, я серьезно говорю.

Бригада послушно, собирая пожитки, потянулась к рабочим местам. Сяолун, на ходу дожевывая бутерброд, двинулся вслед остальным, беззлобно подтолкнув под руку замешкавшегося было почти своего ровесника, подсобника Ли. Тот тут же толкнул Сяо в ответ и весело рассмеялся.

– Пошли, пошли, ну прямо дети. – Чжиган нахмурил густые кустистые брови, отчего стал похожим на рассерженного таракана. – Детский сад, а не бригада. Увидишь, все родителям расскажу, – пригрозил он племяннику вдобавок.

Подмигнув дяде, Сяо одним взмахом запрыгнул в свой экскаватор, заурчал двигатель, и тяжелый ковш стал разворачиваться в сторону песчаных гор, откуда происходила загрузка.

Синхронно завелись двигатели и остальной техники. Карьер ожил, как по мановению волшебной палочки, и началась обычная работа.

Машины подходили и отъезжали, как слаженно работающий конвейер. Когда Сяо почувствовал, что ковш скрежетнул по камням, машина взбрыкнула и заглохла. Сяолун протер рукавом спецовки взмокший лоб и огляделся. Жаркое сентябрьское солнце нагрело кабину градусов до пятидесяти, так что к концу смены все могли умотаться до бессилия, даже самые закаленные. Молодой человек тяжело перевел дух. Только что отошла последняя машина. Загруженные песком экскаваторы, поблескивая красными задними огнями, двинулись в сторону города. Второй экскаватор тоже заглушил двигатель, и сразу стало очень тихо. Дядя вскочил на подножку.

– Вэйдун, давай бери грейдер и разровняй площадку, где техника разворотила, – крикнул в сторону второго экскаваторщика. – Подсобникам собрать весь инструмент.

– Ну, что там у тебя случилось? – спросил он у племянника, повернув к нему разгоряченное, потное лицо. – Ух, и жара, – добавил, вытираясь рукавом. – Что за звуки странные?

– Да ничего особенного, просто по камням ковшом прошелся. Видно, в каменный язык уперся. Завтра попробую взять левее, – ответил тот. – Тут, похоже, все вычерпали.

Чжиган глянул на часы, шуря глаза, вглядываясь в циферблат. У него была близорукость, но очки он принципиально не носил.

– Нет, до конца смены еще сорок минут, так что можешь попробовать и сегодня.

– Ну, надо так надо.

Сяо повернул ключ зажигания, и тяжелая машина, пустив клубы черного дыма, развернулась в левую сторону. Ковш качнулся и пошел вниз. Опять скрежет с искрами из-под металла. Еще раз, опять сплошной камень. Сяо сжал упрямо губы и направил технику еще немного левее и ниже, к нависающей над карьером скале. Он отлично понимал, что этот каменный язык может создать большие проблемы при загрузке самосвалов, ведь не ясно, какого он размера, в какую сторону его следует огибать и сколько времени может это занять. А значит, прощай, план, и, соответственно, прощайте, премия и надбавки. Качнув ковшом, как раскрытой рукой, попробовал место под скалой. И сразу же увидел, как тяжелый манипулятор, пробив перегородку из камней и песка, провалился в нишу, открывшуюся перед ним. Потянув рычагами на себя, отодвинул машину на пару метров и заглушил мотор. Спрыгнул на землю и заглянул в отверстие. Пещера, а это была, без сомнения, пещера, была абсолютно пуста, если не считать похожего на саркофаг, метра три-четыре в длину, полтора-два в диаметре, застывшего ровно посередине странного сооружения.

Мысли о запрятанном кладе немедленно промелькнули в голове молодого человека.

«А что, нашел же простой крестьянин в провинции Шэнси terraкотовую армию древних китайских воинов и прославился на весь мир, – подумал Сяолун. – И мне может так повезти, а вдруг? Почему бы и нет? И вообще, я очень везучий».

Достав из креплений тяжелый лом, он шагнул в пролом и огляделся. Обычная на вид пещера, вся белая от устилавшего ее поверхности мела.

«Большие залежи, – отметил про себя Сяолун. – Надо сказать дяде, он в администрацию сообщит».

«Хм, ничего особенного, – подумал Сяолун, войдя в открывшийся проем, – не похоже, что здесь когда-либо бывал человек. Обычная меловая пещера, образовавшаяся в незапамятные времена. Вот только что это за странное сооружение посередине? Очень странное, я таких никогда не встречал, да и не слышал о чем-то похожем. Надо посмотреть, что там внутри».

Сяолун подошел поближе, примериваясь для замаха ломом.

– Ну, что тут такое, что нашел? – раздался голос заглянувшего в отверстие, оставленное ковшом экскаватора, Ли, узкие глазки которого светились любопытством и предвкушением. – Может, клад, а? Давай вместе вскроем.

– Может, и клад, пока не знаю, какая-то странная штука, но вот сейчас и посмотрим. Ты пока не мешай.

Сяолун еще раз примерился и легонько ударил. Лом легко вошел в сооружение, пробив непрочную стенку и углубляясь сантиметров на двадцать. Еще несколько замахов – и дыра расширилась настолько, что можно было увидеть, что там находится. Два парня с интересом заглянули вовнутрь.

– Ничего, – разочарованно протянул Ли, поджав губы. – Видно, когда-то сырость попала в пещеру, вот мел и сбился в такой цилиндр странной формы.

– Скорее всего, так и было, – подтвердил Сяо, ломом делая отверстие еще больше. – Только мел. Ну да ладно, давай пошли отсюда, нечего тогда тут делать, да и смена уже закончилась.

Он еще раз внимательно огляделся.

– Да, жаль, что с кладом нам не повезло.

– Обычная пещера, природного происхождения. Правда, мела тут полно, что тоже неплохо. А ты уже на клад настроился, – беззлобно подколот он приятеля.

– Будто ты не хотел бы найти клад.

– Конечно, хотел, да перехотел, – парировал Сяо.

– Бригадиру только не забудь сказать, – вставил Ли. – Помнишь, он упоминал, что есть заказ на мел, а здесь как раз его навалом.

– Не забуду, пока склерозом не страдаю. Давай пошли быстрее.

Весело переговариваясь, молодые люди бегом вернулись к точке сбора бригады. Чжиган с вниманием выслушал рассказ Сяолуна о найденных залежах мела, отметив, что пока, недели на две, их задача все-таки – сосредоточиться на добыче песка. Но начальство будет довольны, заказы на мел есть всегда, да и бригада получает побольше, чем за песок, так что по-любому молодец. Отметил на карте разработки и вернулся к насущным проблемам.

– Сейчас собираться в темпе и по домам, – сказал он, обращаясь уже ко всей бригаде. – Вещи свои не забываем, инструмент проверить.

Все зашевелились, хотя уже и без особого энтузиазма. Сказывалась усталость после рабочего дня.

Вскоре подкатил желтый рабочий автобусик, поскрипывая разбитыми рессорами на ухабах. Автобус, вместе с частником-водителем, наняла компания, чтобы тот в начале смены развозил разрозненные рабочие бригады по карьерам, а в конце смены доставлял их в город, таким образом решив проблему с транспортом и опозданием на работу. Ну, а почтенный возраст автобуса, так это ничего, главное – дешево.

Вежливо поздоровавшись с водителем, переговариваясь между собой, люди загрузились, автобус тронулся и покатил в сторону города, тяжело покачиваясь на неровной дороге, ведущей от разработок.

Через некоторое время стих гул мотора, на карьере стало тихо. Тихо и спокойно, даже песчаная пыль, и та потихоньку улеглась, не нарушая тишины теплого сентябрьского вечера. Все было как обычно, раздавался треск цикад, не заглушаемое ревом работающей техники радостное пение птиц в голубом безоблачном небе. Человек с его гремящей, гудящей техникой ушел, дав возможность природе хоть на время отдохнуть от его деятельности.

Но ящик Пандоры был уже открыт. Открыт молодым китайским парнем с еврейскими корнями, ничего еще не знающим и не догадывающимся об этом.

Конечно, доисторический червь оглой не смог бы выжить в пещере за такое бесчисленное количество миллионов лет, прошедших с тех пор, как его, будто пробкой в бутылке, запечатало в этом месте. Оглай давно превратился в труху, в мел, как и пещера, в которой он нашел свое последнее пристанище. Но вирусы, вирусы, существовавшие в симбиозе с ним и служившие ему в свое время, пережили своего носителя, остались целыми и невредимыми, готовыми

проснуться, как только попадет подходящий живой организм, и выжить, несмотря ни на что. Вирусы, существовавшие вместе с динозаврами и уничтожившие их шестьдесят восемь миллионов лет назад. И это время пришло, наше время. Мир больше никогда не будет прежним, никогда, хотя он и так постоянно меняется, незаметно и невидимо, а в лучшую или худшую сторону, это не нам судить.

...С приходом ночи в этих районах Китая заметно холодало. К середине сентября особенно чувствовалась разница температур. Если днем еще стоит изнуряющая летняя жара, то к ночи уже чувствуется холодное влияние осени. Природа жила своей обычной жизнью. Ночью тысячи летучих мышей слетались сюда в поисках добычи и большими стаями сновали вдоль всего карьера. Нагретый за день песок постепенно отдавал свое тепло, позволяя комфортно чувствовать себя всем этим многочисленным грызунам и насекомым. Десятка два летучих мышей уже облюбовали и вновь открытую пещеру, деловито ползая по всем ее закоулкам. Некоторые из них пристроились на ночевку под карнизами, обрамляющими потолок пещеры. Один особенно любопытный мышонок даже забрался вовнутрь мелового саркофага, но, не найдя ничего интересного, вскоре выбрался обратно, весь белый, обсыпанный мелом. Как маленькое светлое привидение, он взмыл в воздух и вскоре смешался с остальной стаей мышей в фиолетовом небе.

Так уж получилось, что ДНК летучей мышки идеально совпало с РНК вируса, очень долго спавшего в забвении времен. Но ничего пока не случилось. Ведь для нас важен результат. Пусть вымрет даже целый вид какой-то популяции животных, не важно, какой именно, главное, чтобы это не затронуло нас, людей, человек. Так или иначе, вирус стал распространяться среди огромного количества летучих мышей, обитающих в этом регионе. Не хватало всего лишь какого-то хвостика, может, закорючки, чтоб он захватил и человека. Но время, вездесущее время все ставит на свои места.

Большое, гибкое тело черной кобры скользнуло в расщелину, раздвигая слежавшуюся траву и сломанные ветки. Довольно крупная, метра полтора в длину, смертельно ядовитая змея чувствовала себя здесь вполне вольготно, не имея природных врагов и, по сути, являясь доминирующим хищником в регионе. Обилие грызунов, а также мелких пресноводных предоставляло этому виду змей отличные условия для выживания и пропитания. И только все более назойливое вмешательство человека могло вытеснить его из привычной среды обитания. Но природная осторожность, скрытность, пока позволяла избегать прямого контакта. Змеи старались не попадаться на глаза человеку, прячась в дневное время в многочисленных расщелинах и норах, лишь изредка, поневоле, сталкиваясь с ним. Когда же наступали ночь и тишина, приходило время охоты. Правда, человек в эти часы редко появлялся в районах обитания рептилий.

Вот и сейчас сильное тело змеи проникло в пещеру через невидимую глазу трещину между камнями. Обогнув каменный карниз, кобра почти уперлась мордой в пяток летучих мышей, висящих вниз головой и считающих себя в полной безопасности. За много лет кобра уже привыкла, что всегда может рассчитывать на добычу в этом месте, как в супермаркете, развешенную под темными сводами потолка. Бросок – и змея, не удержавшись, шлепнулась на пол пещеры, сжимая в зубах слабо трепыхающееся тельце нашего любопытного мышонка и все ту же сдавливая кольца своего упругого тела. Шансов у него не было никаких.

Заглотив добычу целиком, кобра неслышно отползла под ближайшие кусты, чтобы ничто не мешало процессу переваривания. Вирус, который смог заразить популяцию летучих мышей в этом регионе, приобрел уже ряд генетических мутаций, приспособившись к жизни в другом организме. Это, в свою очередь, дало ему возможность беспрепятственно встроиться в организм змеи, опять же пока никак не влияя на ее состояние. Однако он стал еще на шаг ближе к людям и был готов начать новую битву за выживание.

Вот уже много-много лет кобры охотились в этих угодах, не нарушая хрупкого равновесия природы. И так бы продолжалось еще очень долго, но все больше и все чаще деятельность людей стала пересекаться с дикой природой, входя с ней в прямой конфликт. Сначала пришли люди с их гремящей, выпускающей клубы едкого дыма техникой, распугивая всех обитателей и изменяя ландшафт. Неизбежно, рано или поздно, но контакт с человеком должен был произойти.

На следующий день бригада на карьере очутилась почти на час раньше обычного, так как водитель автобуса сегодня спешил к зубному врачу и заранее договорился с рабочими, что отвезет их пораньше, чтобы успеть к назначенному времени. Все с пониманием отнеслись к его проблеме, даже не было обычных шуточек и подковырок, так как, наверное, полфирмы знало, что он ужасно боится зубных врачей, а четыре похода к народному целителю ничего не дали. Даже наложенный на зуб заговор, творившийся в течение почти трех часов, когда надо было лежать на жесткой кушетке в неподвижности под едкими благовониями, не принес никакого облегчения.

В любом случае почти за час до начала рабочего дня бригада была уже на месте. Сяолун понял, что у него полно свободного времени. Играть в домино не хотелось, и он решил еще раз осмотреть отрытую вчера пещеру. По пути он спросил Ли:

– Пойду гляну на нашу пещеру. Ты со мной? Вдруг мы что-то упустили.

– Не, я в домино, – ответил тот, почесывая под подбородком. – Что там смотреть? Вчера уже все осмотрели.

На его лице явственно читалась огромная, прямо-таки вселенская лень.

– А ты иди, если не лень.

– Это точно, – зашумели остальные игроки, – если охота, так сам и иди, а нам нечего игру ломать. Когда еще выдаться поиграть? Давай не мешай, пока техника не показалась.

– Не хочешь – так и не надо, я просто предложил, – ответил Сяолун.

Не споря, подхватил с ящика свою бейсболку и, напялив ее на голову, направился вниз по склону, в сторону пещеры. Подойдя ближе, он сразу заметил следы от лапок побывавших здесь мелких грызунов. Кроме того, на блестящей белой поверхности мела, устилавшей все подходы, да и саму пещеру, как на только что выпавшем снеге, ясно выделялись длинные, зигзагообразные борозды. Не сообразив сразу, что бы это могло быть, он застыл на месте, озадаченно почесав за ухом.

«На что это похоже? Типа шланг протянули, тогда почему нет человеческих следов? А, это нас змея навестила!» – внезапно догадался молодой человек, невольно оглядываясь по сторонам. Сразу стало жарко.

«И, похоже, довольно крупная. Как бы не наступить ненароком», – мелькнула шальная мысль и тут же исчезла под утренним солнцем. Пещера была абсолютно пуста и хорошо просматривалась со всех сторон. На всякий случай он внимательно разглядел углы, а также не поленился и заглянул за саркофаг и внутрь него.

«Пусто, абсолютно пусто, если только в мел не зарылась. Ну и слава богу, не хотелось бы столкнуться с ядовитой тварью в замкнутом пространстве, где и убежать-то проблематично».

Сяолун, естественно, знал о том, что в округе водится множество змей, в том числе и ядовитых, потому что не раз проходил инструктаж по технике безопасности в компании, где работал. Но если честно, то не сильно беспокоился об этом. Во-первых, он ни разу не видел ни одной змеи, пока трудился в карьере, а во-вторых, полагался на аптечку, в которой обязательно должна быть сыворотка от укусов ядовитых гадюк. Ну и справедливо полагая, что любая живность убегает не меньше чем за километр, едва слышав рев моторов работающих машин. В принципе, он был прав, и змеи если и находились вблизи людей, то старались спрятаться или ускользнуть незаметно в густой растительности. Но именно сегодня ночная прохлада и сытость после удачной охоты заставили черную кобру залечь в пещере на ночь. Забрав-

шись на карниз, на полутораметровой высоте от земли, она блаженно дремала, пока не была разбужена похрустывающими на мелу шагами. Удрать, незаметно ускользнуть, было некуда, единственный выход был перекрыт, и змея затаилась, внимательно наблюдая за человеком, нервно поводя раздвоенным языком и приоткрыв пасть.

Сяолун осторожно заглянул в дальний темный угол, тем не менее внимательно поглядывая на пол и ближние углы, собираясь при необходимости задать стрекоча. От сердца немного отлегло, так как он увидел, что внутри так же пусто, даже следов нет. Спрятаться здесь было некуда.

«Единственное, где она может быть, эта змеюка, так внутри саркофага, – подумал он, – ну да я туда и не полезу. В принципе, Ли был прав: и что я здесь забыл? Все, иду назад».

Он развернулся на носках, бросил взгляд на странное сооружение посередине и, упершись рукой в потолок, пригнулся, чтобы вылезти наружу. Острая боль пронзила запястье, и, к своему ужасу, он увидел, как огромная черная змея скользнула мимо его головы на землю и ргутью мелькнула среди пожухлой травы. Взглянул на руку. Две темные точки от укуса явно виднелись на побледневшем запястье.

«Она меня укусила, она меня укусила, – заметалась паническая мысль. – Что делать?»

Как ошпаренный он выскочил на дорогу и побежал к месту, где слышались веселые разговоры и выкрики людей.

– Помогите, – прохрипел он, баюкая второй рукой быстро опухающую руку, – скорее, надо что-то делать! Меня укусила змея, вот!

Всхлипывая и задыхаясь, Сяолун опустился на землю. Рука сильно побледнела, а в месте укуса начала синеть и уже опухла, увеличившись почти в два раза.

– Я сейчас умру, я сейчас могу умереть, – панически закричал он.

Вся бригада вскочила, растерянно переводя взгляды то на укушенного, то на бригадира.

Тот быстро, не теряя времени, бросился к аптечке, достал сыворотку и вколол ее в плечо Сяолуну.

– Не умрешь, главное – успокойся и постарайся не двигаться, – рявкнул Чжиган. – Чего полез куда не надо? – с досадой спросил он.

Достал жгут из аптечки и затянул на руке.

– Теперь вроде все. Главное, не забыть минут через двадцать ослабить, чтоб гангрену не заработать, как в инструкции написано.

Затем обратился к застывшим в ступоре людям.

– Позвоните кто-нибудь в скорую. У нас укушенный ядовитой змеей, какой – неизвестно. Пусть скорее приезжают. Быстро, я сказал, чего замерли!

Мгновение – и все пришло в движение.

Скорая помощь приехала через полчаса. Сяолун лежал на земле и в ужасе глядел на свою опухшую и почерневшую руку. Врач бегло осмотрел его, проверил зрачки, язык и вколол еще одну инъекцию. После крикнул санитарам:

– Давайте приступайте, можно грузить!

Потом повернулся к Сяолуну:

– Ничего, солдат, жить будешь.

Тот недоверчиво скривился.

Санитары, шустро подхватив носилки, ловко уложили больного на брезент и в течение двух минут были уже в машине скорой помощи.

Врач усмехнулся и обратился к Чжигану:

– Вы тут старший?

– Да, я бригадир.

– Молодцы, хорошо сработали. Если бы парню не вкололи сыворотку, сейчас был бы кризис, неизвестно чем бы кончилось.

– А сейчас?

Врач неопределенно хмыкнул, рукой поправляя короткие волосы.

– Все будет нормально. Парень молодой, сердце крепкое, да и антидот быстро вкололи. Думаю, все будет нормально. Короче, мы поехали, информацию можете узнать в первой городской больнице. Удачи вам, да – и под нос змеям больше не лезьте.

Чжиган фыркнул, крепко пожимая протянутую руку.

– Постараемся.

Скорая развернулась и, покачиваясь на разбитой дороге, укатила в клубах пыли. Начался новый рабочий день.

Доложив, как и положено по инструкции, о происшествии, бригада приступила к работе, хотя настроение, естественно, было испорчено. День прошел как обычно, бригада трудилась, не снижая рабочего темпа. Всех, правда, очень интересовало, как там Сяолун. Но в течение всего дня на звонки Чжигана следовал неизменный ответ, что состояние больного тяжелое и пока ничего определенного сказать нельзя. И только к вечеру стало известно, что с Сяолуном все в порядке, жизнь вне опасности и в данный момент он спит.

Оживленно переговариваясь, обсуждая происшествие, усталые рабочие устремились в автобус, желая побыстрее поделиться необычной новостью со своими родными и знакомыми.

Что до самого Сяолуна, это происшествие не доставило ему уж очень сильных переживаний. Запомнился только страх смерти, когда он осознал, что его укусила змея. Но четкие и уверенные действия дяди в такой сложной ситуации успокоили и без того довольно крепкую нервную систему молодого человека. Кроме того, знания студента медицинского института позволяли предположить, что при современном уровне развития медицины, а также своевременной помощи смерть от укуса змеи ему не грозит.

И действительно, через два дня под охи и ахи матери его выписали из больницы, а уже через неделю он пошел в институт и на работу. Так что со временем происшествие стало забываться, воскресая только в рассказах приятелям, при этом все больше обрастая подробностями и приукрашиваниями.

На работе тоже все осталось по-старому. Получив от начальника смены неизвестно, правда, за что выписанную ему премию в размере месячного оклада, Сяолун приступил к работе.

Да еще появились охотники на змей, кстати, уже получившие от начальства компании, где трудилась бригада Чжигана, разрешения на охоту в местах песчаных разработок – на отлов всей шипящей и ползающей живности. Точнее, не совсем от начальства, всего лишь от хитрого и жуликоватого инспектора по технике безопасности, товарища Вужоу, как он любил себя величать. Ну да и не очень это важно. Главное, что получили.

Пока охотники зачищали соседний, в трех километрах южнее, карьер, но к следующей неделе намеревались переместиться и начать охоту в этих местах. Каждый вечер они сдавали пойманную добычу на рыбный рынок в Ухане по устной договоренности с одним ушлым торговцем, которому это приносило неплохую прибыль. Мясо змей дорого ценилось у местных знатоков, и они с удовольствием покупали его для приготовления различных деликатесов.

Через две недели обезглавленное тело черной кобры уже висело на крюке, подготовленное к продаже, а через час было продано одной из местных хозяек, ежедневно посещающих рынок в поисках вкусенького к столу.

Проделав долгий, очень долгий путь, теперь вирус уже мог беспрепятственно проникнуть в ДНК человека.

Заражение. Ухань

Две недели спустя бригада Чжигана наконец-то приступила к заказу, связанному с поставкой мела на перерабатывающую фабрику. Бригадир, дядя Чжиган, еще вчера вечером обзвонил всех и предупредил о предстоящем заказе. Позвонил и выздоровевшему Сяолуну. Заметил, кстати, что сам на работу не пойдет, так как простыл и поднялась температура. Но чтоб все остальные не расслабились, за себя оставляет опытного Вэйдуна. Еще понудев минуты три-четыре, он наконец-то закончил наставления, попрощался, пожелал успехов в работе и попросил передать трубку отцу.

Обменявшись любезностями, Чжиган пригласил его в гости с женой на будущую субботу, потом они еще долго обсуждали нюансы ловли рыбы на какую-то новую блесну, доставшуюся отцу по благу из Европы, от какого-то коллеги, что, естественно, не сильно волновало краем уха слушающего разговор молодого человека.

«Обычный треп пожилых людей. А мне пока можно опять засесть за компьютер, там намного интереснее», – решил он.

Все это время Сяолун был занят то учебой в институте, то работой в карьере. Хотя справедливости ради надо сказать, что учеба в институте начала занимать все больше и больше времени. И, поговорив между собой, его родители уже приняли решение, что с января сыну, очевидно, придется бросить работу в карьере и сосредоточиться на учебе. Сяолун не спорил, сам осознавая возросшую нагрузку в институте.

Кроме того, у него появилось тайное увлечение, может быть, даже мечта, девушка, одногруппница, красавица Миа, в которую была влюблена почти половина студентов курса, как справедливо и не без оснований предполагал Сяолун. Миа появилась в группе только в этом году, стройная и какая-то очень солнечная, переведясь сюда, как он слышал, из медицинского института в Пекине. Некоторые из ребят сразу попробовали с ходу подкатить к ней, но получили такой язвительный отпор, что даже прозвали ее снежной королевой.

«Тем не менее помечтать-то я могу, – с иронией думал про себя молодой человек. – Иногда же королевы снисходят и до простых смертных. Да и я не вечно буду рабочим, вот выучусь и стану знаменитым врачом, может, даже профессором, перееду в столицу, открою свою клинику, заработаю море денег, куплю дом, попутешествую по миру».

Мечты, мечты.

Сейчас он понимал, что дорабатывает последние месяцы в бригаде, а дальше ему предстоит независимая, полная надежд и свершений новая жизнь.

«Рядом такая девушка, как Миа, а может, и она сама, почему бы и нет?» – витал в облаках Сяолун.

Чжиган проснулся рано, еще было абсолютно темно за окном. Непогодилось, и в стекло хлестнули брызги дождя. Ему приснился какой-то кошмар. Обрывки сновидений еще крутились в голове, то ли что-то про жену, то ли про племянника Сяо, но постепенно рассеивались, не задержавшись в сознании. Взглянув на часы, он увидел, что время шло к четырем часам утра. Ночная пижама была липкой от холодного пота, выступившего по всему телу. В горле неимоверно першило.

«Что за черт. Не помог, видать, мне вчерашний супчик», – подумалось почему-то.

Его жена умела замечательно готовить суп на мясе змеи или ящериц, истово веря, что такая еда является панацеей от всех болезней, да и мужскую силу укрепляет. Вот и вчера после работы его ждала такая еда, от которой он, впрочем, никогда нос не воротил, а наоборот, с удовольствием употреблял и нахваливал.

«Может, даже змеюку слопал, которая Сяо укусила», – усмешка пробежала по губам Чжигана. Он облизнул потрескавшиеся губы. В горле снова сильно запершило.

«Ну да ладно, пора как-то лечиться начинать. Так и помереть недолго», – подумалось ему, впрочем, несерьезно.

Сел на кровати и внезапно закашлялся, поперхнувшись собственной слюной. Закрыв рот ладонью, а когда убрал ее, явственно увидел следы крови. Тыльной стороной руки потрогал лоб. Тот пылал, как раскаленная печь. Все тело ломило, как будто вручную перекидал тонны песка на карьере. Глаза слезились, смотреть было больно.

«Дьявол! Видать, где-то очень сильно простыл, – он без сил откинулся на подушку. – Надо позвать Ниу, чтоб принесла из кухни лекарства».

Ниу была его женой, которую он любил и лелеял вот уже тридцать лет, с тех самых пор, когда впервые встретил ее на выставке сельскохозяйственной техники в Пекине. Больше они не расставались. И иначе, как моя девочка, он ее и не называл.

Маленького роста, худенькая, как тростинка, к своим пятидесяти трем годам она действительно выглядела как подросток, намного моложе своих лет, чем он чрезвычайно гордился и неизменно хвастался про себя, да и перед друзьями, чего греха таить. Хозяйственная и работающая, но шустрая и очень активная, она взяла на себя все заботы по хозяйству, что чрезвычайно устраивало их обоих.

Чжиган потянулся к выключателю и зажег свет. Хорошо, что вчера еще догадался позвонить в контору и отпроситься с работы, как только почувствовал недомогание.

«Какой был бы из меня сегодня бригадир, так, вяленая рыба».

Попытался встать, но внезапная слабость, разлившаяся по телу, не дала этого сделать. Сел обратно на кровать и почувствовал, как стал душить сухой кашель, буквально рвавшийся из горла.

– Ниу, Ниу, подойди сюда, – негромко позвал он жену, которая спала в соседней смежной комнате.

«Спит и не слышит, – подумал он. – Помрешь тут, и никто не поможет».

– Ниу! – опять позвал он.

Чжиган снова натужно и хрипло закашлялся. Некоторое время стояла тишина, затем послышался шелест, скрип кровати, и в комнату вошла невысокая черноволосая женщина, в светлой пижаме, с надетыми на босу ногу лохматыми тапочками с помпонами, с растрепанными от сна волосами и шурящая глаза от падающего света ночника. Озабоченно взглянула на мужа.

– Что случилось, ты меня звал?

– Простыл я, видно, сильно. Весь горю, – Чжиган откинулся на подушки. – Плохо мне. Принеси лекарства, да и попить чего горячего сделай.

Она на секунду замешкалась, вглядываясь в его лицо.

– Сейчас, да, конечно, сейчас принесу. Может, позвонить в больницу, вызвать врача?

– Не надо. Обычная простуда, денек полежу, все и так пройдет. Да и ты у меня по травмам специалист, получше любого доктора будешь.

Она подошла к кровати и приложила ладонь к его лбу.

– Да ты весь горишь, температура, наверное, под сорок.

– Скажешь тоже, под сорок, и тридцати восьми не будет, – отшутился Чжиган, тяжело дыша. – Давай иди уже спасай мужа, или мне самому себя спасать?

С сомнением покачивая головой, женщина вышла из комнаты и направилась в кухню. Зазвенела передвигаемая посуда, раздался шум наливаемой воды. Чжиган повернулся на бок, пытаясь устроиться поудобнее, и внезапно почувствовал сильное жжение за грудной клеткой. Голова кружилась, подступила тошнота. Он попробовал позвать на помощь, но из горла вырвались лишь слабые хрипы.

Когда через пять минут Ниу с подносом вошла в его комнату, она увидела мужа, лежащего без сознания, на боку, свесившего голову с кровати. Тяжелое, прерывистое дыхание с бульканьем вместе с розоватой слюной выходило из посиневших губ. Она испуганно вскрикнула и чуть не уронила на пол поднос, который держала в руках.

Скорая приехала довольно быстро, так как они жили в квартале от городской больницы, в трех минутах езды. Чжиган так и не пришел в сознание и не слышал ни когда приехали врачи, ни как его грузили, ни как попал на стол в реанимации.

Он пришел в себя только на следующий день, подключенный множеством трубок к какому-то аппарату. Говорить было тяжело, в груди при дыхании жгло неимоверно.

Сестричка, заглянувшая в палату, радостно вплеснула руками и залопотала, заметив, что он в сознании.

– Ой, – воскликнула она радостно, – ну вы всех и напугали. Чуть не умерли. Доктор Ан целый день с вами вчера провозился, а он у нас самый лучший врач и толк знает. Сказал, что вы очень тяжелый больной.

– Обычная пневмония, обычная пневмония, ничего страшного, – явно передразнивая кого-то, тоненьким голоском произнесла она. – Хорошо, что доктор еще домой тогда не ушел, когда вас доставили на скорой.

– А доктор вам и капельницу, и лекарства внутривенно – ничего не помогает, – тараторила она. – Анализы сделали, там вообще «непонятки». Вирус какой-то, типа грипп. Даже в лабораторию на исследование отослали. А вы вон и очнулись сами. Повезло. Кстати, как себя чувствуете? – она строго и требовательно уставилась на лежащего Чжигана.

Маленькая и шустрая, похожая на подростка, непонятно зачем нарядившегося в медицинский халат, она тем не менее создавала впечатление домашнего уюта и спокойствия.

– Да погоди ты, неугомонная, дай с мыслями собраться, – ответил тот. – Во-первых, где я нахожусь, а во-вторых, объясни толком, что со мной случилось, я ведь ничего не помню.

– Вас вчера привезли на скорой, без сознания, с тяжелой пневмонией, – скороговоркой выстрелила медсестричка. – Совсем плохой были, температура под сорок, хрипите весь. Вот как-то так. – Внезапно вспомнила и выпалила: – Все, я с вами заболталась, надо ведь доктору сообщить, что в себя пришли, он предупреждал.

Она кинулась бежать, намереваясь выскочить за дверь.

– Так, так, – Чжиган прокашлялся. – Ты погоди, неугомонная. А жена моя где, была здесь?

– Ну конечно же, – ответила та. – Всю ночь с вами тут просидела, беспокоится о вас, сразу видно, что любит.

– Так уж и любит, – Чжиган сощурился в улыбке.

– Конечно, любит, вы, мужчины, часто не замечаете, думаете, так и должно быть, а на самом деле за нами, ну, то есть за женщинами, – она зарделась, как будто сказала что-то неприличное, – как за каменной стеной.

– Стеной, говоришь? Ну а сейчас она где, что-то не видно ее?

– Так домой пошла, переодеться, да и кое-что взять надо, доктор ей список оставил. Вам-то что, вон лежи себе, а у нее заботы, вот.

– Понятно, – он улыбнулся, видя ее нетерпение. – Ну давай, лети к своему доктору, я тебя здесь подожду.

– А куда же вы денетесь, конечно, подождете, слабый же.

Она метнулась из палаты, и через секунду ее и след простыл. Чжиган тяжело вздохнул, повернул голову и на прикроватной тумбочке, возле большой белой бутылки и пластиковой папки для бумаг, увидел свой мобильный телефон, кем-то оставленный, очевидно, женой. Протянул руку, чтобы достать, но палата вдруг закружилась, воздух в груди стал нестерпимо горячим. Он потянулся к красной кнопке экстренной помощи над кроватью и опять потерял сознание.

Зашедший в палату доктор нахмурился, увидев тревожно гудящие приборы и больного, опять без сознания. Дал указание срочно провести повторные анализы. Прибежавшие врачи засуетились возле больного.

Через двадцать минут у Чжигана была установлена пневмония и обширный отек легких, а еще через десять минут он был подключен к аппарату искусственной вентиляции легких.

Три часа спустя доктор Ан сидел в своей ординаторской со вторым доктором, терапевтом Минджем. Они пили горячий, только что заваренный крепкий чай. Миндж был моложе на десять лет и совсем недавно стал работать самостоятельно, но своей обстоятельностью и дотошностью сразу завоевал заслуженный авторитет среди персонала отделения. Высокий, почти под два метра, худой как доска, в вечных очках с большими диоптриями, он производил впечатление рафинированного интеллигента, что являлось поводом для беззлобных шуточек среди его знакомых. В противоположность остальным, доктор Ан никогда не подшучивал над ним, а наоборот, обращался с подчеркнутой уважительностью. Среднего роста, широкоплечий, явно не забывающий спортивные тренажеры, в свои сорок лет выглядевший молодо и как-то по-мужски надежно, он был тайным объектом воздыхания множества представителей младшего медицинского персонала больницы, чем, кстати, беззастенчиво пользовался. Правда, это не мешало ему быть блестящим терапевтом и диагностом. И вот сейчас, в свой обеденный перерыв, он обсуждал с молодым коллегой новости, которые произошли в их отделении.

– Понимаешь, – продолжил он начатый перед тем разговор, – его диагноз в принципе понятен, обычный грипп с осложнениями на легкие, но... – Он замолк, отхлебнув из своей чашки.

– Что но? – доктор Миндж также взял свою кружку. – Тебя что-то смущает? Сам же говоришь, грипп, ну а осложнения, так это случается.

– Все так, все так, – ответил Ан, вставая с кожаного дивана и направляясь к окну. – Но меня очень беспокоит его состояние, да и протекание болезни какое-то необычное, странное. И этот обширный отек, представляешь, легкие полны жидкости на пятьдесят процентов, и это с учетом того, что он был подключен к физраствору. – Доктор замолчал, в задумчивости почесывая подбородок. – Все немного необычно.

– Ты предполагаешь, что это вирусная инфекция? – Миндж заинтересованно уставился на него, прихлебывая обжигающий напиток.

– Я почти не сомневаюсь в этом. Грипп, возможно, его какая-то новая форма.

– А что анализы, какой результат?

– Так не готовы еще. Вчера переслали в нашу лабораторию и в городской вирусно-инфекционный центр, ответ пообещали только сегодня после обеда. Ты же знаешь, они никогда не спешат.

– А наша лаборатория, какой у них результат? – любопытствовал Миндж.

– А наша ничего не обнаружила. Кровь в норме, чуть повышенный гемоглобин и давление – вот и все, ну а вирусы, конечно, есть, куда им деться. Короче, определили – похоже на грипп.

– И чего ты дергаешься? Похожий – значит, он и есть.

– Сам понимаешь, нам еще инфекции по больнице не хватает. – Ан ловко прокрутил ручку между пальцев. – Меня и беспокоит, что только похожий. Короче, решено, после обеда иду к заведующему. Надо с ним поделиться своими сомнениями, пусть поучаствует. Да и предупредить надо, вдруг грянет эпидемия.

Миндж с сомнением посмотрел на него.

– Ну-ну, дерзай тогда.

Ан улыбнулся и допил остатки чая. Постепенно разговор перешел на другие темы, хотя у обоих на душе осталась какая-то недосказанность и неопределенность.

Работы в крупной городской больнице всегда достаточно, особенно в осеннее время, так что доктор Ан освободился только к концу смены, под вечер, измотанный и душой, и телом. Но, помня свои опасения, не забыл зайти к заведующему, поговорить насчет состояния и диагноза нового больного. Данные с его анализами уже пришли из городской лаборатории, и там подтвердили наличие вируса.

Вирус на девяносто процентов был идентичен вирусу гриппа. Но вот эти оставшиеся десять процентов были абсолютно новыми, в корне отличными от чего-либо встречавшегося. Хотя и это не давало сильного повода для беспокойства. Ведь вирус гриппа постоянно мутирует, и эти отличия не выпадали из допустимого процента мутации. Тем не менее чутье опытного врача и тяжелое протекание болезни у пациента не отпускало доктора Ана. Тем более непонятна способность к распространению, то есть заражаемость этого нового гриппа.

Заглянув в реанимационную палату, он убедился, что пациент все еще без сознания, проверил оборудование и выдал распоряжение всему персоналу надеть маски, а санитаркам – продезинфицировать помещение, где лежит больной. После этого предупредил, чтобы временно не пускали к нему жену и родственников из-за опасности заражения инфекцией. Оглянувшись по сторонам, все ли сделано, что необходимо, кивнул самому себе и направился в кабинет заведующего отделением.

Заведующий, профессор Зихао, был старым, давно уже пенсионного возраста, человеком и так же давно не практикующим врачом, ненавидящим любые происшествия и перемены в подведомственном ему терапевтическом отделении. Полное, одутловатое лицо, включенные седые волосы и запах пота не вызывали к нему никакой симпатии. А вечное как будто застывшее выражение высокомерия и настороженности заставляли сотрудников отделения как можно меньше с ним общаться. В свою очередь он так же ненавидел всех, кто приходил к нему с насущными делами, искренне считая, что не должен снисходить до таких мелочей, ведь для этого и существует персонал больницы. И вообще, до пенсии осталось чуть больше года, а все остальное неважно.

Поэтому, выслушав доктора Ана о возможной инфекции в больнице, попросту отмахнулся от того, посоветовав заняться другими больными, а из-за обыкновенного гриппа, хоть и с осложнениями, никто не собирается поднимать панику.

– Тебе не менее моего известно, – добавил он, грузно опершись руками на край стола и тяжело вставая с удобного кресла, – что каждый месяц мы имеем больных с гриппом.

Он налил себе воды из хрустального графина, стоящего на подоконнике, и из-под бровей хмуро взглянул на доктора Ана. Тяжело дыша, опять плюхнулся в кожаное кресло, которое жалобно заскрипело под грузным телом.

– Но, – он поднял палец вверх, – мы не вводим из-за этих случаев карантин по отделению, и тем не менее все проходит само собой. Чем тебе этот случай так не нравится?

Поднес к глазам листок с результатами анализов, присланными из городской лаборатории.

– Вот видишь, их данные совпадают с нашими, ничего экстраординарного, ничего такого не вижу.

Доктор Ан попытался вставить слово.

– Так, – хлопнул по столу широкой ладонью, как припечатал, профессор Зихао, – как ему станет лучше, переведешь его из реанимации к инфекционистам, а пока присматривай. Паники поднимать на будем. Это мое последнее слово.

– Я пока персоналу приказал маски надеть и ограничил посетителей, – угрюмо заметил доктор Ан и встал со стула, поняв, что аудиенция закончена.

– Это твое дело, хотя, по-моему, необязательно.

Заведующий поморщился, как будто съел дольку лимона.

– Пойдут разговоры, домыслы, может дойти до руководства больницы, а может, даже министерства, что у нас началась инфекция в больнице.

Он поднял палец вверх.

– Тебе это надо? – И не дождавшись ответа, сам ответил: – Точно нет, никому не надо. Все, давай иди, у меня дел полно, – стал бесцеремонно выпроваживать Ана из кабинета.

– Смотри там, не переусердствуй, знаю я тебя, – бросил недовольно уходящему доктору Ану вслед.

Сяолун вышел из дома на работу, как обычно, рано утром, и уже в шесть тридцать стоял на остановке, возле старого покосившегося навеса, ожидая автобуса. Обычно в это время здесь уже крутился неугомонный Ли, ну и еще кто-нибудь из компании, где они работали. Восемьдесят процентов всех рабочих проживали именно в этом районе, так что неудивительно, что утренний битком набитый транспорт был местом встречи. Сегодня из знакомых никого пока не было видно. Правда, погода ужасная, моросил мелкий непрерывный дождик, наводя тоску и уныние. Но что погода? Работа есть работа.

«Может, кто и заболел, простыл, вон как дядя Чжиган, – невесело подумал Сяолун. Взглянул наверх и тут же зажмурился от брызг, попавших в глаза. – Как он там, интересно? Мама сказала, что к нему не пускают, сильный грипп». – И Сяолун с тоской опять посмотрел вверх.

Темно-серое небо, казалось, нависло почти над самой головой, протяни руку и достанешь быстро плывущие облака. Редкие прохожие кутались в непромокаемые куртки и плащи. Зонтики не помогали, так как порывы ветра буквально выворачивали их из рук. Люди, ожидая автобуса, старались спрятаться под навесами остановок или жались под карнизы нависающих над головами балконов. Но это несильно помогало, ветер закручивал брызги со всех сторон, заливая обувь и ноги прохожих. Сяолун с застегнутым до самого носа капюшоном угрюмо отворачивал лицо от брызг воды, срывающихся с крыши. Позитива в сегодняшнем дне он не видел никакого.

«Придется целый день по грязи сегодня ползать, хорошо хоть в кабине экскаватора тепло и сухо. Скорей бы уж до конторы добраться. И где этот автобус запропастился?» – и только эта мысль промелькнула в голове Сяолуна, как показался красный автобус, и уже через пятнадцать минут Сяолун был в офисе компании, откуда различный транспорт развозил бригады по карьерам.

Зайдя вовнутрь и прямо у входа отряхнувшись от брызг, как собака, Сяолун встретил из всей бригады только хмурого Вэйдуна, который и сообщил ему, что работы на сегодня у них не будет, так как все слегли с простудой.

– Все, Сяо, мы с тобой самые крепкие, остальные слабаки, – покашливая, заявил он. – Все разболелись, расклеились, так что менеджер отпускает нас домой. В остальных бригадах не лучше, вон половины людей нет, – рукой показал на полупустой зал, обычно в это время заполненный людьми, вытер сопливый нос рукавом рабочей спецовки. – Да и мне, чувствую, стоит травки попить, а может, чего и покрепче.

Он с хитринкой подмигнул молодому человеку.

– Так что давай дуй домой, лечись, а я пока останусь, нужно уладить кое-какие формальности, да и о деньгах стоит переговорить. Мне придется подождать, ведь начальство раньше девяти не появится.

Вежливо попрощавшись, пожелав удачи и не разболеться, Сяолун вышел из конторы, вернее сказать, выскочил. Настроение моментально улучшилось, и дождь уже не казался такой помехой. Жизнь резко наладилась и заиграла розовыми красками.

«Целый день свободный, – с удовольствием подумал он. – Чем бы таким заняться?»

В первую очередь позвонил в институт и договорился о сдаче лабораторной работы на следующую неделю, а затем все-таки решил поехать домой и поиграть в компьютерную игру, на которую почти всегда не хватало времени. Сегодня же особых планов не было, раннее утро, все на работе, лекции начинаются вечером в шесть, так что сейчас он был полностью свободен.

«День удался», – мечтательно думал Сяо, подходя к подъезду своего дома. И только там заметил две машины скорой помощи, стоящих на узком пяточке возле дома.

– Ого, целых две скорые. У нас что-то случилось, какая-то эпидемия? – с улыбкой спросил он у бомжеватого вида соседа с первого этажа, трущегося здесь же.

– Ага, – хмуро ответил тот, швыряя носом. – Это наши соседи из одиннадцатой квартиры, муж и жена. Ну, ты знаешь, она еще на рынке рыбой торгует, а он, по-моему, даже в вашей фирме работает. В конторе сидит, кровосос.

– Это такой крупный, с седыми волосами и всегда курит на балконе? – спросил Сяолун. – Ну да, знаю, конечно.

Сосед кивнул утверждающе.

– Он, зараза, никогда денег не одолжит. Так вот, соседка напротив, ну эта толстая, сказала, позвонили ей, оба с температурой, ну и попросили вызвать скорую. Вот она и вызвала. Скорая приехала только через два часа, звонят в дверь, а им не открывают, хорошо, у толстой запасной ключ имеется, зашли, а те уже без сознания. Да, дела, – с многозначительным видом покачал головой, доставая сигарету. Долго не мог прикурить под хлесткими порывами ветра, а когда удалось, удовлетворенно улыбнулся.

– Вот так живешь, живешь, а потом раз и все, в могилу, – глубокомысленно заметил, глядя на молодого человека. – Хотя вам, молодежи, не понять, эх.

– Ну, а ты чего не на работе, прогуливаешь или тоже вон, может, заболел? – резко поменял тему разговора.

– Не, я в норме, – Сяолун улыбнулся в ответ. – Просто на сегодня работы не будет, вот нас в компании и отпустили по домам.

– Все, ладно, я пошел, дел много, – прервал он разговор с бомжеватым соседом.

– Иди, иди, кстати, это уже четвертая скорая за утро. Две возле девятого дома стояли, а одна до сих пор возле дома напротив. Эпидемия, – глубокомысленно добавил сосед, глубоко затягиваясь сероватым дымом. – Все поправим.

Сяолун кивнул, соглашаясь с этим бесспорным утверждением, и заскочил в подъезд своего дома.

Весь оставшийся день пролетел для него незаметно. Игра затягивала и увлекала. Тем более что сегодня удивительно везло и он даже смог пройти дополнительный уровень. Перекусывая всухомятку бутербродами, к пяти вечера он закрыл компьютер, не разогревая, наскоро съел оставленный на плите обед и честно направился в институт, хотя и было ужасно лень, по правде говоря.

Институт встретил его необычным гулом и оживлением. Студенческий народ бурлил, обмениваясь последними новостями. Оказалось, что сегодня действительно много заболевших гриппом. Поликлиники переполнены, потому и скорые не успевают.

– Но лекции отменять не будут, все по расписанию, – с сожалением в голосе объявил высокий прыщавый парень на курс старше. Ребята загудели, явно рассчитывая смыться с лекций пораньше.

Следующие три с половиной часа Сяолун был занят, как обычно, просиживая штаны и с усердием конспектируя скучное монотонное повествование профессора по биологии.

К последней лекции ему повезло. В параллельной группе преподаватель плохо себя почувствовал и его студентов присоединили к группе Сяолуна. Шумная ватага из двадцати человек ввалилась в аудиторию и стала рассаживаться по свободным местам.

– Здесь свободно? – услышал Сяолун звонкий девичий голос у себя над головой.

Возле парты стояла стройная розовощекая Миа, одетая в черно-белый брючный костюм, с небольшим рюкзачком на спине. Розовый тонкий палец требовательно указывал на место рядом с Сяолуном.

– Э, что, не понял, о чем ты? – протянул тот.

– Свободно, спрашиваю? Там, где я сидела, вон какие дылды впереди устроились, не видно ничего, – девушка мило и непринужденно улыбнулась. – Такпустишь или нет?

– Да, конечно, располагайся, – сдвинувшись вправо, он с удовольствием уступил место девушке возле себя. Миа, коротко кивнув, устроилась рядом, тут же разложила конспекты на столе перед собой. Коротко взглянув на молодого человека, она улыбнулась и мило поблагодарила.

Народ, набившийся в аудиторию, действительно теснился как селедки в банке, а в голове у Сяолуна гудело от близости бедра прижатой к нему девчонки, объекта его тайной страсти. Она же как будто забыла о его присутствии и полностью сосредоточилась на лекции. Но сегодня Сяолуну везло, и постепенно он осмелел, изредка кидая в ее сторону восхищенные взгляды, а затем и вовсе разошелся, то и дело вставляя едкие смешные замечания в монотонное повествование пожилого и подслеповатого преподавателя. И даже когда с его стороны освободилось одно место, он, как будто не заметив, ни на миллиметр не отодвинулся от девушки. Миа, естественно, все заметила, даже вытянула голову, чтобы посмотреть на пустующее место, но почему-то тоже осталась сидеть, прижатая к Сяолуну. Девушка то и дело прыскала в кулачок от еле сдерживаемого смеха над замечаниями и шутками, которыми как из рога изобилия сыпал раздухарившийся молодой человек.

И в конце лекции, когда прозвенел звонок, они расстались абсолютными друзьями. Так что ничего не было удивительного, что они вдвоем после пар отправились вместе домой. Вернее, не совсем домой. Ветер и дождь утихли, погода установилась тихая и безветренная, поэтому молодые люди решили прогуляться по вечернему Уханю. Расстояние от института до дома Миа – минут пятнадцать медленным шагом, но по пути они заглянули в угловое круглосуточно работающее кафе, ярко освещенное и полное посетителей, в основном студентов. Они заказали себе по чашке горячего обжигающего чая и по большой пухлой булочке с повидлом, а потом, в дорогу, по пачке картофельных чипсов. Ну, в дорогу – это сильно сказано, так, для того чтобы было чем похрустеть. Тем не менее было весело и время пролетело незаметно.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается, и через час молодые люди расстались, договорившись, однако, в субботу вечером вместе сходить на студенческую вечеринку, организуемую активистами старших курсов в актовом зале первого корпуса.

Оживленный разговор не умолкал до самого подъезда Миа. Тем для обсуждения нашлось множество. Ну и, конечно, последнее происшествие со змеей, где он, приукрасив историю чуть ли не на сто процентов, предстал перед ней почти супергероем, таким великим воителем с драконами.

А девушка рассказала ему о себе. О том, что они недавно с отцом приехали в Ухань из Пекина, так как отец получил назначение на работу главным инженером в крупной строительной компании. Естественно, ей пришлось перевестись из столичного медицинского университета сюда, в провинцию, о чем она абсолютно не жалеет, хотя, конечно, скучает по друзьям. А мамы у нее нет, умерла, когда ей было пять лет, братьев и сестер тоже нет, так что с отцом они абсолютно одни на этом свете.

Сяолун с интересом слушал разговаривающую девушку, украдкой любуясь ее раскрасневшимся, оживленным лицом и время от времени вставляя подходящие замечания. Та, естественно, заметила, что понравилась ему, но не подавала и виду и только в конце, когда уже прощались, улыбнулась, внимательно посмотрела на него и внезапно чмокнула в щеку. Он застыл от неожиданности и немного от смущения. Миа, махнув рукой, тут же ускользнула за дверь

подъезда. Сяолун остался один с пылающим от счастья лицом и огромными радужными планами.

«Вот так думаешь о человеке, что он заносчивый и недоступный для тебя, – с удовольствием вспоминал Сяолун прошедший вечер, возвращаясь в приподнятом настроении домой. – Все гадал, как к ней подойти, а она оказалась нормальной девчонкой, и совсем простая. Правда, очень красивая, это у нее не отнимешь. Скорей бы опять встретиться, скорей бы завтра», – мечтал он про себя, вспоминая недавний поцелуй.

«Ну а выходные, так это просто отпад, все от зависти помрут, когда увидят меня с ней», – с удовольствием представил Сяолун вытянувшиеся лица одноклассников. День, несомненно, удался.

Тревожный звонок телефона рано утром громкой трелью прокатился по квартире. Услышав его, Сяолун взглянул на часы: четыре сорок пять, еще два часа сна, кому там нейдет, – повернулся на другой бок, больше закурился в одеяло, а затем натянул еще на голову подушку, опять проваливаясь в сладкие грезы сна. Время пролетело как одна секунда, и уже когда встал, после душа, узнал, что звонили по поводу тети Ниу, жены дяди Чжигана, и сказали, что она заболела и на скорой доставлена в больницу в очень тяжелом состоянии.

– Вот такие дела, сынок, – угрюмо закончил отец, рассказывая все это Сяолуну, – мама сейчас там, поехала узнать, как да что. Видно, совсем плохая ситуация, если сказали, что состояние критическое. Не могут понять, что такое случилось. Ну, а я и так все знаю, – продолжил он, – вон у нас на работе половина рабочих заболела, да и ты тоже вчера на работе не был. Соседи говорят, что очень сильный грипп, типа эпидемия. Как бы помирать люди не начали. Вечно от населения власти все скрывают.

Твердо сжав губы, он решительно добавил:

– Короче, сегодня и завтра, да и вообще до конца недели, на работу и в институт не пойдем, надо дома пересидеть. Позвони всем, скажи, заболел. Ты меня понял? – спросил он Сяолуна требовательно. – Ну, а я своих, кому надо, уже обзвонил.

Юноша с сомнением посмотрел на отца.

– Может, ничего страшного, хотя бы в институт пойду? – спросил он, вспоминая вчерашний вечер и абсолютно не желая пропускать лекции, особенно сейчас, когда все стало налаживаться с такой красивой девушкой, как Миа.

– Нет, я сказал, – ответил отец резко и категорично. – Я уеду ненадолго по делам, потом заскочу заберу мать, а ты дома, – заявил он еще раз безапелляционно. – Смотри у меня, из квартиры ни ногой.

Хлопнула входная дверь, и Сяолун остался один. Сначала поскреб голову, но все же позвонил и сообщил на работу, что заболел и не придет.

– Да, ну и сиди дома, – затем хамоватый голос из конторы заявил, что сейчас не до него, и отключился. Справедливо рассудив, что, возможно, действительно, не до него, на всякий случай позвонил еще и Вэйдуну. Тот, как оказалось, сам был на больничном, чихал и кашлял в трубку как заведенный, но заверил, чтоб не беспокоился, больных очень много и проблем не будет.

– Вообще, – добавил он, – ходят слухи о закрытии компании на карантин, на какой срок, пока не ясно, но в связи с эпидемией гриппа. Сам чувствую себя нормально, кашель, правда, замучил.

Коротко попрощались. Сяолун, подумав, сделал звонок и в деканат института. Там к пропуску студентами лекций относятся спокойно. Студенты учатся для себя, пропустил лекции, тебе же хуже, придется нагонять, могут быть хвосты, твои проблемы, тебе и решать.

Затем почему-то решил набрать и Миа. «Мы вроде бы сейчас как друзья, – с сомнением думал он, нажимая на имя, высветившееся из списка контактов на экране мобильного. –

А друзья должны общаться, делиться новостями, наверное», – думал он, с замиранием сердца слушая длинные гудки. Решительность таяла вместе с бегущими секундами.

Трубку долго не поднимали, и он уже хотел нажать сброс, когда раздался звонкий голос Миа:

– Я слушаю, говорите, кто это?

«Вчера обменялись номерами телефонов, но, видно, она мое имя не записала», – мелькнула мысль.

Сяолун замер в нерешительности, в принципе не зная, что и сказать.

«Дурак, – корил он себя, – позвонил девушке, чтобы сообщить, что родители не пускают в институт. – Какое ей дело, она мне не мама. И что теперь сказать? Может, трубку положить?»

– Привет, – поперхнувшись, он дал петуха, – это я, вот решил позвонить, как дела, узнать, в смысле – что нового?

– Сяо, – удивленно протянула девушка, – так еще только утро, я только встала, какие дела за ночь, спала как убитая. Ничего не случилось. Может, соскучился? – добавился в голосок оттенок лукавства.

– Я это, – смущенно продолжил тот, не отвечая на вопрос, – я просто так позвонил. Да и хотел сказать, что в институт сегодня не иду, приболел, – смущаясь признаться, что отец не пускает, приврал, сам покраснев от своих слов. – Вот, горло немного прихватило. Ты же слышала, эпидемия гриппа вроде.

– Не, не знаю, мне это неинтересно, – отмахнулась она, – я никогда не болею.

Он в трубку выслушал ее безапелляционное заявление и покраснел от смущения.

– Так и я редко в принципе, вот первый раз.

– Так может, помочь чем надо, ты говори, не стесняйся, – в голосе девушки появилось участие.

– Нет, все норм. В компе планирую посидеть, то да се.

Молодой человек постарался, чтобы в голосе появились солидность и обстоятельность:

– Потом, так еще, дела есть.

– Ну, если так, то тогда ок, – Миа весело рассмеялась. – Не забудь про субботу, мы договаривались на вечеринку, и надеюсь, к тому времени ты будешь в норме.

– Помню, конечно, – сердце у парня рванулось, как скаковая лошадь, и подпрыгнуло вверх. – Буду как штык, не беспокойся.

Фыркнув и пожелав скорейшего выздоровления, Миа пообещала потом поделиться конспектом лекций и отключилась, а Сяолун предался радужным мечтаниям, пересев к компьютеру.

День прошел незаметно, как одно мгновение. Поиграв в компьютерную игру, посидев немного в Фейсбуке, Сяолун – сработало чувство долга! – в конце концов сел за лабораторную, чем и занимался почти до вечера. Кроме того, в связи с тем, что вся семья собралась дома, мама приготовила праздничный обед, чему домочадцы были очень рады. И только к семи часам вечера им сообщили из больницы о смерти жены Чжигана.

Мама, выслушав сообщение об этом, молча положила трубку, ошарашенная, не в силах переварить обрушившуюся ужасную новость.

– Что случилось? – тревожно спросил отец, заметив ее, неподвижно сидящую на стуле в прихожей у телефона.

– Ниу умерла, только что сообщили.

– Что? Не может этого быть! Ты что-то перепутала. Ее же забрали всего лишь с гриппом. Она молодая и крепкая, никогда не болела. Как такое могло бы быть! Позвони им опять, уточни.

– Ничего я не перепутала. Они назвали фамилию и имя, знают ее адрес проживания и наши телефоны, сказали, что она заразилась от мужа, который лечится у них в больнице.

Мама устало положила руки на колени.

– Тело пока не отдают, но завтра предлагают подъехать в больницу и подписать необходимые бумаги. Там все и объяснят.

Отец с матерью ошарашенно переглянулись.

– А как дядя Чжиган, он уже знает? – спросил Сяолун, растерянно уставившись на мать. Как и многие молодые люди его возраста, он редко сталкивался со смертью, поэтому такая новость не очень доходила до его сознания.

– Он все еще под аппаратами и в себя не приходил, – безжизненно ответила мама, и слезы покатались по ее щекам. – Что же сейчас будет, как же так?!

Весь следующий день прошел как в тумане. Родители с утра уже были в больнице, но дальше комнаты приемного покоя никого не пускали. Охранник, остановивший их на входе, поинтересовался целью визита, коротко переговорил по рации и сказал, что к ним выйдут и принесут все необходимые бумаги, но уже через десять минут ожидания сообщил, что сегодня никаких бумаг не будет, как не будет и посещений родственников больных, лежащих в больнице. Две женщины пожилого возраста, ожидавшие возможности пройти вовнутрь, пробовали было возмутиться беспределом, но подошедшие на подмогу еще два охранника шустро выпроводили всех на улицу.

– Вы можете что-либо объяснить? – вежливо обратился отец к пожилому мужчине в форме охранника, вышедшему покурить на крыльцо больницы. Красное одутловатое лицо выдавало в нем любителя выпить, да и запах перегара не оставлял никакого сомнения в его хобби.

– Карантин, эпидемия гриппа у нас, – бросил тот, затягиваясь сигаретой, с наслаждением пуская струйку дыма вверх, – остальное сами ничего не знаем. Вы лучше звоните почаще на телефон регистратуры; как только ситуация прояснится, вам должны будут сообщить. Ничего страшного, я думаю, но наше начальство на воду дует.

– У нас родственница умерла в вашей больнице, вот приехали бумаги оформить, – отец также затянулся сигаретой.

– Бывает, все мы смертные, – флегматично ответил охранник, затушив сигарету в урне. – Вы меня извините, мне пора, а сами пробуйте звонить. Все будет нормально, мужик, – добавил он, широко зевая, – не бери в голову, легче жить будет.

– Хороший совет, сам ему только следуй, – ответил отец угрюмо.

Весь день родители сидели на телефоне, но вежливый голос в трубке постоянно сообщал, что на данный момент дополнительной информации нет, надо ждать, а к вечеру вообще перестали брать трубку, включив автоответчик. Видя, как нервничают и мечутся по квартире его родители, Сяолун понял, что ничего нет хуже неизвестности.

Заседание руководства медицинского персонала второй городской больницы города Ухань проходило за закрытыми дверями, в экстренном режиме и очень рано утром. В пять тридцать утра старший менеджер по персоналу обзвонил всех заведующих отделений и другое руководство больницы, принимающее непосредственное участие в администрировании, объявив о необходимости в срочном порядке прибыть на место работы. К семи, хмурые и невыспавшиеся, они собрались в зале заседаний. В принципе, по какому поводу столь срочное собрание, ни у кого сомнений не было, а вот что со всем этим делать, большой вопрос.

Доктор Ан также был приглашен и удобно устроился за спинами своих коллег более высокого ранга. Всего присутствовало около двадцати человек. Кроме того, доктор Ан заметил в зале и двоих солидного вида незнакомцев, одетых в черные строгие костюмы, немного нелепо смотрящиеся в такое раннее время, в сопровождении миловидной молодой девицы с ноутбуком на коленях, по-хозяйски расположившихся в первом ряду. Один из них, кто постарше, что-то уверенно втолковывал директору больницы, сидящему рядом с ним, второй внима-

тельно осматривался по сторонам, чаще всего с интересом задерживаясь взглядом на симпатичной сорокалетней шатенке, заведующей гинекологией. Чуть в стороне от остальных Ан заметил и присутствующего здесь заместителя директора городской эпидемиологии и вирусологии, с кем пару раз встречался и много раз контактировал по телефону. Тот, встретившись с ним взглядом, качнул головой, поздоровавшись, тем не менее оставшись на своем месте. Все остальные были постоянными участниками подобных совещаний, работниками больницы.

«Похоже, представители администрации города, а может, из министерства здравоохранения, – подумал Ан, рассматривая гостей в черных костюмах, – вон как вольготно устроились, скоро все узнаем».

Затем мысли метнулись в другом направлении: очевидно, все это по поводу эпидемии гриппа.

Отчасти подспудно доктор Ан чувствовал и свою вину во всем этом, так как считал, что не был достаточно убедителен, излагая свою позицию заведующему.

«Вон какая шумиха началась, – с тоской думал он, – а ведь все могло быть остановлено в самом начале, если бы этот боров вовремя среагировал. Ведь сказал же ему, что велика опасность эпидемии. Эх, целую неделю потеряли».

Боров, сидевший впереди, сильно вспотел и изрядно нервничал. Капли пота катились по его покрасневшемуся рыхлому лицу.

Начал заседание, как обычно, заместитель директора по общим вопросам доктор Зэн Лю. Маленького роста, сухопарый и подвижный, давно за шестьдесят, чем-то смахивающий на таракана, тем не менее он производил на окружающих хорошее впечатление. Бодро вскочив за трибуну, поправил прическу, постучал по стоящему стакану ручкой и начал доклад.

– Товарищи, – произнес он, – за истекший период наша больница добилась несомненных успехов. С начала этого года было обслужено и вылечено девять тысяч больных. По статистике показателей мы...

– Одну минутку, разрешите, – вставил один из черных костюмов, который требовательно поднял руку, – разрешите мне.

Он поднялся со своего кресла и повернулся к сидевшим в зале докторам лицом.

– В связи с тем, что собрались мы по экстренному случаю, предлагаю перейти сразу к сути вопроса. Кто наиболее компетентен в этом? – обратился он к директору больницы. Тот угрюмо молчал, уткнувшись в бумаги. Затем нерешительно начал:

– Э, я, право, не знаю.

Не дождавсь ответа, черный костюм продолжил сам:

– Хорошо, тогда пусть выскажется заведующий инфекционным отделением, только, пожалуйста, коротко и по существу вопроса.

Директор больницы обескураженно замолчал.

Заведующий инфекционным отделением, доктор Баи, был молодым амбициозным врачом, правда, опыта в этой сфере еще не имеющим и получившим назначение, как предполагал доктор Ан, по благу, через старшего брата, работающего где-то в администрации здравоохранения. Тем не менее язык у него подвешен, несомненно, неплохо, да и врачом, как он слышал, был неплохим и довольно компетентным.

Он решительно потеснил растерявшегося, но продолжающего оставаться на трибуне предыдущего выступающего.

– Как я полагаю, речь идет о новом вирусе, распространившемся по больнице, – бодро начал он. – Я, конечно, не готовился к выступлению, но располагаю всей необходимой информацией по этому вопросу. Если позволите?

– Конечно, – подтвердил черный костюм, усаживаясь обратно в свое кресло. – Только добавлю для ясности: распространившемся не только по больнице, а по всему десятиллионному Уханю и области. Пожалуйста, говорите.

– Так вот, я продолжу, – докладчик немного растерял свой апломб, затем вновь взял обороты. – На данный момент в больнице находится двести шестьдесят человек с подтвержденной инфекцией, из них более половины очень тяжелые, умерло три.

Он прокашлялся и продолжил:

– Отделение находится на карантине, посетителей временно не принимаем, персоналу рекомендовано носить медицинские маски. – Прокашлявшись, он гордо продолжил: – По нашему мнению, ситуация полностью под контролем, и уже через неделю мы планируем возобновить работу отделения в обычном режиме. Я считаю все принятые меры достаточными. Отделение располагает всем необходимым оборудованием и квалифицированным персоналом. – Повисла тишина. – Лечение полностью соответствует протоколу.

– Какому протоколу? – задал вопрос первый черный костюм со своего места.

– Протоколу лечения гриппа, с сопутствующими осложнениями, – ответил докладчик.

– А вы уверены, что это грипп?

Докладчик умолк, недоуменно посмотрев на человека в черном костюме.

– А что же еще, естественно, уверены, – добавил он погодя.

– Установлено, кто является нулевым пациентом этого заболевания? – спросил второй черный костюм, также не собираясь представляться присутствующим.

– Да, это мы знаем абсолютно точно, – доктор Бай взял листок бумаги, быстро протянутый ему секретаршей директора, заглянул в него, вчитываясь в записи. – Некий Чжиган, рабочий, пятидесяти четырех лет, житель Уханя. Поступил к нам, в терапевтическое отделение, восемь дней назад с подозрением на пневмонию, вызванную гриппом. В настоящее время находится в отделении интенсивной терапии и его жизни ничего не угрожает.

– Были ли проведены лабораторные исследования его крови, чтобы установить тип вируса? – спросил первый черный костюм, почему-то вопросительно уставившись на заведующего терапии профессора Зихао. Все взгляды тут же переместились в этом направлении. Тот нервно заерзал на своем месте, оглядываясь по сторонам. Крупные капли пота заблестели на его лбу, скатываясь по щеке. Доктору Ану стало того ужасно жалко и немного обидно за свое отделение.

– Разрешите, – неожиданно для самого себя он поднял руку и поднялся со своего места, – разрешите мне.

– Доктор Ан, – представился он присутствующим здесь черным пиджакам, очевидно, не знающим его, – лечащий врач первого зараженного, больного Джигана, о котором идет речь.

Те синхронно кивнули головами в знак согласия:

– Пожалуйста.

– Больной поступил в наше отделение по скорой, в бессознательном состоянии, – начал Ан. – Бригадой врачей были проведены все необходимые реанимационные действия. Лабораторные анализы взяты в течение первого часа и направлены на исследование как в нашу больницу лабораторию, так и в городскую. Результат, полученный уже через сорок минут, дал основание предположить, что мы имеем дело с сезонным, незначительно мутировавшим гриппом. Отличия составляют не более десяти процентов.

– Что вывело вас на такие предположения? Я имею в виду, почему гриппом, почему мутировавшим, поясните.

Доктор Ан перевел взгляд на вопрошающего.

– Это очевидно, – спокойно продолжил он, – отличия в цепочке РНК вируса не более десяти процентов, остальная структура принципиально не отличается от известных штаммов гриппа. Все в рамках протокола по гриппу.

– Были ли проведены процедуры по изоляции больного?

Доктор Ан на секунду задумался, затем ответил:

– После необходимых реанимационных процедур, требуемых для спасения жизни больного, он был помещен в инфекционное отделение больницы, где и находится по настоящий момент.

– Через какой промежуток времени? – быстро спросил первый черный костюм.

– Через три дня, – твердо ответил доктор Ан.

– Он был помещен в отдельный, изолированный бокс? – опять последовал вопрос.

– Насколько я знаю, нет, в обычную палату.

– Мог ли он иметь контакты с больными вашего или других отделений?

– Нет, – еще более твердо ответил доктор Ан, – он не ходячий больной и все время был подключен к аппарату искусственной вентиляции легких, но, естественно, имел постоянный контакт с обслуживающим его медицинским персоналом.

Снова в воздухе повисла пауза.

– Так, все ясно, – троица гостей, переглянувшись между собой, одновременно встала со своих мест.

– Образцы нового вируса уже направлены в Пекинский институт вирусологии и эпидемиологических исследований.

– Заседание считаем закрытым, все ваша больница, включая и технические службы, с этой минуты находится на карантине, – сказал один из них, явно обращаясь к директору больницы, который с начала совещания, после того как его прервали, не произнес ни слова.

– Принять меры по защите персонала, что включает использование противовирусных защитных костюмов, перчаток и масок. Всех новых больных будут свозить из города в вашу больницу, так что размещайте их в общих палатах, но, – продолжил он через некоторое время, – персонал должен быть защищен.

Потом после паузы добавил:

– Вся необходимая помощь будет предоставлена, включая дополнительное финансирование и техническое снабжение.

– Никого из помещений здания не выпускать, до дальнейших распоряжений. Обеспечьте выполнение, – кивнул он директору, – и доложите по инстанции. Да, кроме всего прочего, вы должны в срочном порядке вызвать в больницу весь персонал из других смен, которые находятся сейчас на отдыхе, всех без исключения, даже которые не имели никакого контакта с больным.

Затем, не глядя ни на кого, гости быстро покинули зал заседания.

Все ошарашенно остались сидеть на своих местах.

– Что это было? – спросил кто-то ошарашенным голосом. – Да и кто они такие, собственно говоря?

– Спокойно, спокойно, – директор устало поднялся со своего места. – Эти господа из министерства здравоохранения. Все очень серьезно, более серьезно, чем мы предполагали. Мне ничего не сообщили, но подозревают, что это какой-то особый грипп, возможно, очень опасный. Вы слышали, территорию больницы пока никому не покидать, донесите эту информацию до персонала ваших отделений. Да, и постарайтесь не допустить паники. Будем действовать так, как нам предписано по инструкции в таких случаях. Директор по персоналу и начальник охраны, пожалуйста, пройдите в мой кабинет, а все остальные свободны. Действуйте.

Через час к центральному входу больницы подъехал экипаж полиции. Трое молодых, уверенных в себе полицейских вольготно расположились, весело переговариваясь и не выключая полицейскую мигалку. Поставив машину прямо напротив центральных дверей, они вежливо, но твердо стали отправлять редких утренних посетителей восвояси. Люди, подходя к ним, через некоторое время удивленно отходили в сторону, правда, даже и не пытаясь спорить с представителями власти. Так администрация города быстро и эффективно, по их мнению, решила вопрос с начавшейся в больнице эпидемией.

На следующий день заболела мама Сяолуна. Все произошло как-то буднично и обыденно. Просто она зашла на кухню, когда вся семья обычно садилась завтракать, и сказала отцу, что у нее температура и она очень плохо себя чувствует. Вызванная скорая не приезжала более трех часов, и к тому времени, когда врачи позвонили в двери квартиры, маме стало намного хуже. Хриплое дыхание с трудом вырывалось из посиневших губ, и было видно, что держится она уже из последних сил, хотя на вопросы отвечала, что все нормально и у нее ничего не болит. Отец то и дело набирал номер экстренной скорой помощи, но в ответ слышал лишь успокаивающие увещевания немного подождать, так как на данный момент нет свободных машин, но как только освободятся, то немедленно будут направлены к ним.

Бригада врачей, зашедшая в комнату, изрядно напугала Сяолуна. В белых, полностью герметичных комбинезонах, с масками на лицах, они были похожи на космических пришельцев, неизвестно что забывших на нашей грешной земле. Загрузив стонущую больную на носилки с застегивающейся сверху молнией, по системе и форме похожие на саркофаг, затем подсунули под нос отцу какую-то бумагу.

– Что это? – недоуменно спросил тот, беря ее в руки. – Что мне с этим делать?

– Всего лишь подписать.

– И под чем я подписываюсь?

– Это предупреждение, что вы не имеете права выходить из дома ни под каким предлогом, включая и покупку продуктов, – спокойно ответил врач скорой помощи. – Вы поймите, – устало добавил он, – мы не знаем, что это такое. Подозрение на грипп, но пока не ясно. Очень много людей заражается, люди падают как мухи. Больница уже переполнена, а что будет дальше, неизвестно. – Он сделал паузу. – Старайтесь побережь самих себя и ваших близких. Может, повезет и вы не заразитесь, хотя, как показывает практика, члены семьи все равно все заражаются. Да, я должен вас предупредить: кроме всего прочего, вы не имеете права контактировать с любыми людьми, за исключением официальных лиц, у которых есть разрешение. Предупреждаю, это по распоряжению администрации города, при нарушении вы можете попасть под уголовную ответственность, да и вам самим, наверное, проблем не надо.

– И как нам питаться, воздухом и водой? Мы ведь запасов продуктов не делали.

– С вами свяжутся и все объяснят, я уверен, что никаких проблем не возникнет.

Врач коротко кивнул на прощание и вышел вслед за санитарями, уносящими носилки с лежащей на них мамой.

– Ну ни фиги себе, – отец почесал затылок. – Дела. Вот, сын, будем, наверное, дома пережидать эту непонятную напасть. Хотя – что мы, только бы с мамой все было в порядке.

– Чай пить будешь? – загремел отец на кухне посудой. – Что-то горяченького захотелось.

Сяолун зашел на кухню следом за ним и уселся на табурет у окна.

– Буду, и даже с булочками, а с мамой, я уверен, действительно все будет в порядке. Она у нас о-го-го какая крепкая, никакой грипп с ней не справится.

– Это точно. – И два мужчины, дружно устроившись за столом, с удовольствием занялись чаепитием.

К вечеру, часам к шести, отцу стало плохо, поднялась температура, и его после звонка в больницу также забрали на скорой. Веселым голосом попрощавшись с сыном, он посетовал, что, очевидно, сорвется запланированная рыбалка на этих выходных, и пожелал Сяолуну не устраивать слишком бурных студенческих вечеринок. Кроме всего прочего, сообщил, что даже рад своей болезни, так как мама без него пропадет, а так будет под присмотром.

Перед уходом у юноши взяли пробы из носа и горла и кровь из пальца для анализов на вирус, еще раз предупредили об ответственности, и он остался один.

«Скоро врачи скорой будут домой приходить, как к себе на работу, вон уже который раз приезжают», – молодой человек с тоской заметил еще одну скорую, стоящую у соседнего подъезда. Рядом стояли санитары с носилками, явно собирающиеся кого-то грузить.

«Хорошо хоть отец своими ногами пошел, должно же быть все хорошо, – с оптимизмом, свойственным молодости, думал человек, первым открывший ящик Пандоры и не догадывающийся об этом. – Буду сидеть на телефоне».

На следующий день было подтверждено наличие вируса и у него. Молодой приятный женский голос бодро сообщил ему эту неприятную новость, поинтересовался наличием температуры или кашля и порекомендовал при малейших признаках осложнений звонить по телефонам экстренной помощи.

Никаких симптомов заболевания Сяолун абсолютно не ощущал, но, естественно, обеспокоился, видя, какой ажиотаж вокруг этого непонятого гриппа. По внутреннему наитию, а может, просто чтобы услышать ее голос, позвонил Миа, впрочем, особо не ожидая, что она ответит, ведь сейчас в институте шли лекции. Против ожидания, она подняла трубку уже на втором гудке.

– О, Сяолун, как хорошо, что ты позвонил, – взволнованно начала она, едва прошло соединение. – Я сама хотела тебя набрать. У нас такое творится, такое! – Девушка перевела дух. – Эпидемия гриппа, преподаватели все заболели, заменить нечем. Короче, лекции отменили на месяц, это минимум, деканат сам не в курсе. Многие студенты с семьями за город посрывались, ну, конечно, кому есть куда срываться, – немного подумав, добавила она. – В институт приехали военные, с оборудованием, в защитных комбинезонах, а в актовом зале собираются койки для больных устанавливать, типа полевого госпиталя. Все на ушах стоят, бегают, суетятся. Студентам, начиная с третьего курса, предложили поработать в качестве младшего медицинского персонала с зараженными больными. Ну, наших, то есть второкурсников, не трогают, но многие из группы записались добровольно, так тех берут. Я тоже записалась, вот. А ты как?

В городе Ухань началась эпидемия.

Озеро Челан, штат Вашингтон, Соединенные Штаты Америки

... На деревянном помосте, срубленном из потемневшей от времени лиственницы, метров на пять уходящем в озеро и возвышающемся над поверхностью воды почти на метр, на складных рыбацких стульчиках с удобными спинками и подлокотниками расположились двое мужчин, вольготно вытянув ноги в толстых ботинках из буйволовой кожи на толстой армейской подошве. Они лениво поглядывали за качающимися на мелкой волне ярко-желтыми поплавами.

Темные, почти до чернильной черноты, волны с тихим шуршанием накатывались на мелководье возле берега, затем как бы нехотя откатывались назад. Осень уже вступила в свои права, поэтому чувствовалась не по-летнему ледяная свежесть, иногда как сквозняком пробегающая вдоль водной глади, отчего на поверхности воды появлялась легкая рябь, создавая иллюзию легкой поклевки. Опытные рыбаки никак на это не реагировали, с удовольствием попивая холодное баночное пиво. Несмотря на плюсовую температуру, примерно около десяти градусов, оба мужчины были одеты в зимние утепленные куртки с меховыми воротниками, а на голове у одного из них была даже шерстяная выношенная шапочка непонятного цвета.

Одежда выдавала в них местных жителей, которые предпочитали потеплее почти круглый год, особо не считаясь ни с летним зноем, ни с трескучими морозами. Один, постарше, можно сказать, старик, с изрезанным глубокими морщинами лицом, худощавый, с выпирающими скулами и подбородком, обветренными до красноты, очевидно, от постоянного пребывания под открытым небом. Второй же – молодой мужчина крепкого телосложения с ухоженными руками и модельной современной стрижкой, тщательно выбритый. Такие разные, но тем не менее чем-то очень похожие друг на друга мужчины явно наслаждались и процессом ловли рыбы, и общением друг с другом, и единением с природой. Серые, глубоко посаженные глаза, выступающие скулы, ямочки на подбородках выдавали в них несомненное родство между собой, а если бы спросить их фамилию, Маккалан, то стало бы абсолютно ясно, что это отец и сын, решившиеся уединиться с природой и самими собой.

Тот, что постарше, Патрик Маккалан, американец ирландского происхождения, бывший морской пехотинец, успевший повоевать во Вьетнаме, бывший заместитель военного атташе в небольшой среднеазиатской стране, бывший крупный чиновник посольства США в Китае, работавший в свое время начальником отдела информации и культуры. Он считался весьма значительной фигурой, имел большое влияние на события, происходящие в этой азиатской стране. Позже оставил работу за границей и стал очень активным деятелем республиканской партии в штате Вашингтон, был в составе законодательного собрания от округа Асотин.

И хотя избиратели округа Вашингтон склонны больше поддерживать кандидатов от демократической партии, тем не менее имел авторитет как у простых избирателей, так и среди сильных мира сего.

Но это все осталось в прошлом. Три года назад, когда буквально за пару месяцев сторела от рака его любимая жена, он как-то сдулся, резко постарел и в конце концов переехал в этот забытый богом край, подальше от людских глаз и внимания. Кроме того, в то же время развелся его сын, с которым, кстати, сейчас он наслаждался рыбной ловлей. Невестка, забрав с собой двух дочек-погодков, любимых внуков и отраду дедушки, укатила с новым мужем на другой конец страны, чем окончательно подорвала привычный уклад и лишила смысла жизни старого человека.

Разругавшись с ней по телефону, а заодно высказав такие же претензии и сыну, только в гораздо более резкой форме, он окончательно поселился в этой глуши больше года назад, не показывая и носа в лоно цивилизации.

Надо сказать, что этот домик с гектаром земли и ежемесячной рентой ему подарило государство за какие-то заслуги во время работы на территории Китая.

Второй рыбак, тот, что помоложе, и с кем он год назад умудрился разругаться почти окончательно, являлся ему сыном, но был полной противоположностью старому Маккалану. Шон Маккалан, тридцать пять лет, высокого роста, широкоплечий, даже производящий некоторое впечатление грузности, хотя, без сомнения, обманчивое, с виду медлительный и ленивый, но отлично развитый физически и неплохой спортсмен. Породистое волевое лицо, такие же, как у отца, выпирающие скулы и внимательный взгляд серых глаз делали его, несомненно, привлекательным для особ женского пола. Кроме всего прочего, их, конечно, объединял тот факт биографии, что сын, как и отец в свое время, посвятил жизнь служению правительству США.

Шон был действующим и довольно успешным агентом отдела специальных операций ЦРУ. Сейчас он находился в двухмесячном отпуске, который с удовольствием решил потратить на общение с отцом и медитацию на природе. Впрочем, возможно, он проводил бы больше времени с отцом, если бы не упрямый характер старика и его нежелание видеть сына.

Такие моменты выдавались не часто, вернее – всего второй раз с тех пор, как отец навсегда переехал сюда, и поэтому сейчас оба старались получить удовольствие от этой встречи, тем более что их объединяла общая страсть – рыбалка.

– Шон, подай мне еще пивка, – старый Патрик протянул руку, указывая на ящик с «Будвайзером», стоящий возле Шона.

– Смотри, еще только утро, а ты уже на пиво налег. В сон начнет клонить, – ответил тот, тем не менее протягивая запотевшую баночку.

– Тебе что, мое пиво жалко? Для меня это как вода, да и когда ты уедешь, я вообще пить не буду, как-то не тянет. Так что давай, раз сказано.

Мужчины замолчали, затем Патрик продолжил давно начатый разговор.

– И все-таки ты сволочь. Если бы ты не развелся с Мартой, то каждое лето я смог бы встречаться с любимыми внучками. А им-то здесь как хорошо, да и мне не так было бы тоскливо.

Шон флегматично пожал плечами.

– Развелся и развелся, ты же знаешь нашу ситуацию, она больше не смогла терпеть мои частые командировки.

Немного подумав, он добавил:

– Да и не хотела, очевидно. А тебе если тоскливо, так переезжай в город, а то заперся здесь, как медведь в берлоге.

– Нет, в городе еще более тоскливо. – Патрик приложил руку к виску, как будто взял под козырек, закрываясь от выглянувшего солнца. – Здесь другая тоска, светлая. Тебе не понять. Я уж тут буду доживать, что мне надо?

Шон хмыкнул, взглянув на заблестевшую от лучей солнца воду.

– Смотри, у тебя клюет, – указал он отцу на поплавок.

– Сам вижу, не слепой. – Тот подсек, и небольшая, с ладонь, рыбешка шлепнулась на мокрые доски пирса.

– С почином, тебе всегда больше везет. – Шон отхлебнул из своей банки, вытащил удочку с болтающейся на крючке приманкой и вновь забросил ее.

– Везет тому, кто с руками, а кто безрукий, так и рыбешку не поймает, – отрезал отец.

– А насчет дочек, так и я скучаю, – продолжил Шон свою мысль. – Но ты сам подумай, я на службе, бывает, и по полгода, встречались редко. Что я им мог дать? Не, с мамой им сто процентов лучше. Что же поделать, жизнь есть жизнь.

Разговор прервал звонок спутникового телефона, лежавшего на складном столике возле Патрика.

– И тут достанут, не дают спокойно порыбачить. – Патрик недовольно поднял трубку к уху. Коротко выслушал, передал сыну.

– Тебя. Очевидно, сорвешься, пойду собираться.

Тяжело поднялся и, не оборачиваясь, пошел к дому.

Через пять минут Шон появился на пороге.

– Уезжаешь? – скорее утвердительно, чем вопросительно спросил Патрик, продолжая складывать небольшую походную сумку сына.

– Да, возникла кое-какая проблема по работе, в бухгалтерии там не сходится, – Шон виновато развел руки в стороны. – Это буквально на пару недель, но как только все улажу, так сразу к тебе, договорим и дорыбачим, обещаю.

– Ко мне, – буркнул Патрик, – знаю я твои обещания. Пойду моторку готовить, отвезу тебя. Не забудь позвонить потом.

Взяв ключи от лодки, он было направился к пирсу. Они между собой никогда не обсуждали работу.

– Нет, не надо, отец, – остановил его Шон, – через час за мной пришлют вертолет.

– Видно, сильно не сходится ваша бухгалтерия, если вертушку посылают, – усмехнулся старик, бухнув собранную сумку на стол.

– Ну ладно, коли так, давай тогда просто посидим.

Ровно через час послышался шум винта. Темно-зеленая военная винтокрылая машина показалась над озером, качнулась вправо, накренилась и устремилась в их направлении.

Через пять минут вертушка приземлилась на обозначенной окрашенными в красный цвет колодками площадке. Дверь отъехала в сторону, раззявившись темным проемом, но никто из вертолета не вышел. Двигатель даже не глушили, ожидая своего пассажира. Шон закинул сумку на плечо. В проеме показалось улыбающееся лицо молодого мужчины в военной форме, приветственно махнувшего рукой.

– Все, отец, мне пора, – сказал Шон, взглянув на вертушку. – Ты уж береги себя, не хотелось бы вступать в наследство всем этим хозяйством, – он обвел рукой прогалину, где приземлился вертолет, пирс и еле видневшийся за деревьями дом.

– Не дожدهшься, я еще тебя переживу, – Патрик протянул руку сыну. – Ты тоже береги себя, да и я буду тебя ждать.

Кивнув на прощание, не оборачиваясь, пошел к дому.

Шон запрыгнул в открытую дверь, усаживаясь на боковую сидуху. Винты тут же завертелись сильнее, и металлическая стрекоза, чуть качнувшись в стороны от порывов ветра, набирая скорость, быстро скрылась за сопками, покрытыми лесом.

Штаб-квартира ЦРУ, Лэнгли, штат Виргиния, США

Директор национальной секретной службы Джон Харрис, крупный седовласый мужчина семидесяти трех лет, сидел за столом своего кабинета и выслушивал доклад начальника отдела специальных операций доктора Джеймса Смита. Квадратное красноватое лицо, жесткий взгляд из-под прищуренных темно-карих глаз, серый костюм в полоску, дань современной моде, с безупречным, в тон, галстуком и белой сорочкой, застегнутой на все пуговицы, придавали ему вид монументальный и незыблемый. Вперив тяжелый взгляд в говорящего, он молча дослушал доклад и затем произнес:

– У вас все?

– Да, господин директор, по данному вопросу да.

– Это очень интересно, господин Смит, очень. Но вам отлично известна значимость планируемой операции. Уверены ли вы на сто процентов, что можно дать добро? Вы лично, а не ваш отдел и аналитики, подготовившие вам доклад.

Начальник отдела сморщился, как от зубной боли, понимая, что часть ответственности, таким образом, при возможном провале перекладывается на его плечи.

– Наши аналитики просчитали возможные риски, складывающуюся политическую обстановку и пришли к выводу, что вероятность благоприятного исхода операции более семидесяти процентов. Кроме того, мы очень ограничены во времени.

Он достал носовой платок и промокнул вспотевший лоб.

– А я лично, да, я считаю, возможно начать проведение операции.

Директор молчал, вперив взгляд в портрет бывшего президента Вашингтона, висевший на противоположной стене, затем произнес:

– Да, вы правы, сроки нас поджимают. Хорошо, будем считать, что добро вы получили. Теперь о деталях. Кто будет непосредственным исполнителем операции?

Начальник отдела специальных операций заглянул в бумаги, лежащие перед ним, абсолютно без необходимости освежения памяти, а просто чтобы немного собраться с мыслями, прекрасно понимая при этом, что директору уже давно известно имя агента.

– Специальный агент Шон Маккалан. Он был вызван из отпуска и в данный момент находится в вашей приемной. Агент Маккалан выбран из трех наиболее подходящих кандидатур, но по ряду обстоятельств является, пожалуй, самым лучшим кандидатом.

– Каких обстоятельств?

– Он отлично владеет языками, на уровне родного китайским и очень неплохо русским. Имеет представление о работе медиакомпаний, а также о работе Всемирной организации здравоохранения. Операция будет проводиться под их эгидой. Кроме всего прочего, мы сочли нужным привлечь и их действующего сотрудника.

Он опять заглянул в бумаги.

– Это некий Гарри Миллер. Доктор наук в области микробиологии и вирусологии, старший научный сотрудник. Работает в организации чуть более десяти лет, автор семнадцати научных трудов, пользуется несомненным авторитетом в мировом научном сообществе.

Директор сморщился и брюзгливо добавил:

– Нельзя, что ли, было обойтись нашим сотрудником? Не люблю я этих белых воротничков.

– Нет, это действительно необходимо. Китайская служба безопасности крайне подозрительно относится к любым отклонениям от обычных процедур. Появление нового, незнакомого лица абсолютно точно привлечет к нам излишнее внимание и может поставить операцию под угрозу срыва. А так это будет выглядеть как рутинная практика.

– Хорошо. Насколько ВОЗ осведомлена о наших целях?

– Ни насколько. Они действительно будут проводить свою проверку. Нашего агента воспринимают как неизбежное зло, навязанное сверху. Кроме того, они рассчитывают на какое-то дополнительное финансирование. Вы же знаете, им всегда не хватает денег.

– А на самом деле, как будет проводиться финансирование?

– Часть из их фондов, остальное по нашим А2-стандартам.

Директор отлично знал, А2-стандарт – это практически неограниченные средства, когда может быть задействовано государственное финансовое управление.

– Чертовы скряги, все хотят жар чужими руками загребать, – проворчал директор, постукивая кончиком золотого паркера по столешнице. – Но прикрытие действительно замечательное.

Кому, как не ему, было отлично известно реальное финансовое положение Всемирной организации здравоохранения и те огромные средства, которые крутятся под их патронажем. Ведь это его департамент полтора года назад проводил тайную операцию по оценке их деятельности, результатом которой стали отставки нескольких основных акционеров организации и потеря кресла одним из сенаторов.

– Наш агент уже введен в курс операции?

– Нет, он только прилетел и сразу сюда, ни с кем до этого не общался. Забрали его из лесного хозяйства его отца, где он рассчитывал провести двухмесячный отпуск.

– Его отец – Патрик Маккалан, которого мы в свое время имели в разработке? – проявил осведомленность директор Джон Харрис. – Противный, надо сказать, старикашка. Много нам крови попортил. Ну, да ладно.

– Так точно, он и есть. Правда, сейчас, уже более года, находится безвылазно в своем лесном домике, по координатам...

– Я в курсе, – перебил его Джон и сказал: – Ну что ж, зовите вашего супермена, познакомимся.

Шон вошел в кабинет и огляделся. Большая, около сорока квадратных метров, комната, обставленная в английском стиле прошлого столетия. Дубовая коричневая мебель, монументальный шкаф, громоздившийся в углу, темно-зеленый кожаный диван с такого же цвета креслами и придвинутым к ним журнальным столиком. Посреди комнаты огромный стол с восемью стульями, один из которых занят начальником отдела специальных операций. Во главе, возле широкого окна, за удобным офисным креслом восседал его хозяин, директор национальной секретной службы Джон Харрис, такой же основательный и мощный, как и его кабинет. Увидев вошедшего Шона, встал из-за стола и протянул ему руку.

– Рад с вами познакомиться, Шон.

Широкая и жесткая ладонь была крепкой, а рукопожатие – твердым и уверенным. Жесткий, прямой взгляд прямо в глаза.

Нисколько не смущаясь своего походного вида, Шон с удовольствием пожал протянутую ладонь.

– Добрый день, господин директор.

– Какой директор, – тот махнул рукой. – Для тебя, сынок, просто Джон. Садись, прошу к столу, – директор указал рукой на кресла у журнального столика. – Хотелось бы поговорить в более приватной обстановке, выпить бокал пива, но... – Он замолчал, затем продолжил после паузы: – Служба, служба не ждет. Так что прошу, пока только кофе.

Позвонил по селектору и приказал принести три чашки кофе и печенья. Все трое перешли на удобные диваны.

– Представьте, пожалуйста, вашего сотрудника, – директор требовательно посмотрел на Джеймса Смита.

Тот взял из папки листок и стал зачитывать содержащуюся там информацию.

Шон Маккалан, американец ирландского происхождения, сотрудник отдела специальных операций, работает в организации двенадцать лет. Родился в штате Миннесота, на севере Америки, в семье дипломата, где проживал с семьей из четырех человек: отец, мать, он и старший брат – до трехлетнего возраста. Затем семья переехала в Китай. Отец получил крупное назначение в нашем посольстве. Семья проживала в Пекине. Закончил среднюю общеобразовательную школу. Свободно владеет китайским языком, кроме того – еще двумя диалектами. В школе увлекся китайскими единоборствами. Победитель Пекина среди юношей до шестнадцати лет по ушу. Когда Шону исполнилось семнадцать лет, семья переехала на постоянное место жительства в Америку. Отец занимался активной политической деятельностью. Молодой Шон поступил в Лондонский институт информатики и программирования. В том же году был замечен нашими сотрудниками как перспективный. Было сделано предложение на параллельную учебу в нашей школе разведки. После окончания университета и школы разведки прошел дополнительную переподготовку на армейской базе Кэмп-Пири, затем специальную подготовку на Точке, базе Харвей-Пойнт. Проведено в рамках специальных операций: пятнадцать успешных и три сомнительных операции. Пять наград, одна от конгресса США.

Кроме английского и китайского языков отлично владеет русским и неплохо испанским. На данный момент разведен. Жена вышла замуж, с двумя дочерьми проживает отдельно, на западе страны, контактов с агентом не поддерживает. Мать умерла. Отец отдалился от политики и проживает у лесного озера Челан, штат Вашингтон. Брат, Джеймс Маккалан, – крупный бизнесмен в области химии и обработки пластика, проживает в Ирландии. Контакт с агентом не поддерживает.

Начальник отдела специальных операций Джеймс Смит замолчал, закончив чтение.

Шон усмехнулся, но не произнес ни слова, внимательно смотря на директора.

Повисла пауза, которую никто не собирался нарушать первым, затем директор произнес:

– Ну что ж, все вроде бы неплохо. Хорошая подготовка, сынок. Так для чего мы тебя с отпуска сорвали? Тут по случаю в Китае намечается интересная операция, в которой мы планируем дать тебе одну из ключевых ролей.

Раздался осторожный стук в дверь, и после разрешения зашла секретарша с подносом, уставленным чашками с кофе, кофейником и вазочкой с бисквитами.

Собеседники замолчали, ожидая, пока за ней захлопнется дверь.

– Угощайтесь, – Джон Харрис немного расслабил галстук, наливая себе в чашку кофе из кофейника. – Понимаете, – он требовательно посмотрел в глаза Шону, – политика требует от нас быстро реагировать на события. А мы, я имею в виду всю нашу службу, стоим на стороне интересов Америки.

Шон молчал, ожидая продолжения.

– На данный момент нашим основным геополитическим противником является Китай. Россия уже давно отошла на задний план не в силах конкурировать с финансовой мощью Америки, Европа же давно ходит под нашими корпорациями, смотря им в рот. Здесь все более или менее в порядке. Но вот Китай, Китай необычайно поднялся, как экономически, так и на политической арене.

Шон кивнул головой, все так же не произнеся ни слова, в знак согласия со словами собеседника.

– Так вот, Китай нам мешает, и мешает очень сильно. Многие наши крупные компании теряют часть рынка, а мы – политическое влияние. В связи с этим мы приняли решение значительно ослабить его как политически, так и экономически. Нашей службе поручено разработать и провести специальную операцию на территории Китая. – Он умолк, затем продолжил: – Как, например, организовать катаклизм глобального, мирового масштаба.

Шон, изумленно приподняв брови, посмотрел на собеседника.

– Простите, правильно ли я вас понял? Катаклизм такого масштаба, что-то типа ядерной бомбы?

– Именно, – директор удовлетворенно откинулся на спинку кресла. – Я очень рад, что ты быстро схватываешь суть проблемы.

Шон помолчал, потом спросил:

– Не считаете ли вы, что в таком случае китайцы могут нам адекватно ответить? Тогда вместо выигрыша мы можем получить большой и жирный минус, в виде ядерного катаклизма.

– Позвольте мне пояснить немного, – начальник отдела специальных операций поднял палец вверх.

Директор кивнул в знак согласия.

– Шон, а кто говорит о ядерной бомбе или еще чем-то подобном? – обратился он к своему агенту.

– Тогда о чем же, поясните.

– Например, о вирусе, эпидемии вируса.

Шон задумчиво почесал подбородок.

– Эпидемии вируса? Вы предлагаете мне заразить какой-либо заразой, изобретенной в нашей лаборатории, население Китая?

– Было бы неплохо, но ничего подобного от вас не требуется, – хохотнул собеседник. – Вспышки вируса происходят ежегодно, бывает, по нескольку раз, в различных точках мира. Если воспользоваться искусственно созданным, то эту искусственность и место происхождения очень легко будет вычислить в любой лаборатории мира. Нам это, как вы понимаете, абсолютно не подходит. В этом случае мы получим результат, сходный с атомной бомбой. Ведь практически нет разницы в применении атомного или бактериологического оружия.

– Так что же тогда? – Шон подался вперед. – Какова моя миссия?

– Сейчас в Китае, в городе Ухань, началась вспышка эпидемии нового гриппа, что-то типа Эболы, может, другое, короче, неважно, – отмахнулся собеседник, глядя на Шона. – Ваша задача будет отправиться туда, то есть в Китай, под эгидой Всемирной организации здравоохранения и раздуть скандал. Замечу, – добавил он, прищурившись, – международный скандал, огромного масштаба, и не дать китайцам это дело замять. Нашим дипломатам удалось договориться с китайцами об ограниченном доступе к материалам, касающимся нового вируса, очень ограниченном доступе, мы предполагаем. Как вообще они дали этот допуск, непонятно. Естественно, китайские власти максимально исказят информацию в свою пользу и снизят опасность нового вируса для населения. И естественно, работать придется под контролем их службы безопасности.

– А что с инфекцией на самом деле? – спросил Шон. – Она очень опасна?

– А мы не знаем, материалы, которые есть в нашем распоряжении, крайне противоречивы. Единственное, точно известно, что смертельных случаев крайне мало, может, один-два за все время. Но это неважно, главное, что вирус идеально подходит нашим планам и он естественного происхождения. При широкой огласке нас привязать к происходящему будет крайне сложно. Ваша задача – собрать о вирусе как можно больше информации, а главное, раздуть из мухи слона.

Да, с вами поедет их сотрудник, я имею в виду ВОЗ, но он, конечно, не в курсе вашей основной задачи, так что будет вашим партнером втемную. Познакомьтесь с ним уже в аэропорту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.